

ЕДКАЯ САТИРА

[КАРЕЛ ЧАПЕК] Война с саламандрами. Жургаз. 1938

Книгу недавно умершего талантливого чешского писателя Карела Чапека «Война с саламандрами» начинаешь читать как занимательный приключенческий роман. Старым знакомым кажется капитан ван Тох, рассказывающий о своих приключениях на своеобразном жаргоне, пересыпанном английскими словечками. С интересом следя за судьбой открытых капитаном в Малайском архипелаге «топтыжек» — больших саламандр, до сих пор неизвестных науке. Но начиная со второй части физиономия книги резко меняется: авантюрный роман для «легкого чтения» превращается в бичующую сатиру, направленную против капиталистического общества.

Саламандры оказываются необычайно способными и полезными существами: они могут работать под водой, их обучают обращению с инструментами и учат говорить. Саламандры размножаются невероятно быстро и не требуют почти никакого ухода.

С неистощимой изобретательностью придумывает Чапек парадоксальные положения, вызванные по-

явлением новых разумных существ: церковь распространяет среди саламандр миллионы экземпляров библии на непромокаемой бумаге, в Америке линчуют саламандр, обвиняемых в «нападении на девушек», во Франции издан закон, по которому саламандры за неподчинение полицейским распоряжениям караются «заключением в сухом и светлом месте» (саламандры живут в воде и не любят дневного света). Автор приписывает Бернарду Шоу находчивый ответ на газетную анкету «Есть ли у саламандр душа?»: «Души у них, безусловно, нет. В этом они схожи с человеком». Некий Курт Губер отвечает на тот же вопрос: «Пусть саламандры, лишь бы не марксисты!»

Но Чапек не ограничивается отдельными остроумными выпадами против буржуазной культуры. Создав в лице саламандр и их подводной промышленности фантастические, небывалые по своей мощи производительные силы, Чапек показывает, как эти силы дезорганизуют и разрушают капитализм. Между Англией и Францией едва не вспыхивает война из-за того, что эти державы тайно вооружают своих саламандр для «защиты» своих побережий. Саламандры научились владеть оружием, начали нападать на людей и стремятся к господству над человечеством.

В третьей части книги сатира Чапека становится особенно едкой и злободневной. Когда читаешь о том, как Англия оказывается блокированной саламандрами, а великие державы отказывают ей в праве строить самолеты для борьбы с блокадой и тем самым обрекают ее на голод, когда Чапек рассказывает о международной конференции, на которой представители буржуазных государств согласились уступить саламандрам

Китай, чтобы спасти собственную территорию, невольно вспоминаешь о последних международных событиях.

Задолго до блокады республиканской Испании под предлогом «невмешательства» и до раздела Чехословакии (роман «Война с саламандрами» вышел в 1936 году) Чапек сумел предсказать капитуляцию буржуазных правительств перед угрозами агрессоров.

В этом отношении Чапек оказался проницательным художником. Судьба его собственной родины является этому наглядным доказательством. Но проницатель-

ность Чапека односторонняя: в нарисованной им картине гибели человечества в войне с саламандрами не оказалось места для сил, призванных спасти мир от разрушения. Существование Советского Союза и борьба народных масс капиталистических стран против фашистских разрушителей культуры являются наглядным отрицанием идей Чапека о том, что с гибелью капитализма совпадет гибель цивилизации.

Советский читатель без труда опровергнет этот вконец неверный вывод Чапека и с интересом прочтет его талантливую и яркую книгу.

ДЕТИ ДЯДИ ТОМА

(РИЧАРД РАЙТ. Дети дяди Тома. Журнал «Интернациональная литература» № 7 за 1938 год)

Кто из нас не читал «Хижин дяди Тома» Бичер-Стоу? Герой этой книги — кроткий, набожный негр. Умирая в мучениях, он прощает своих палачей.

Негритянский писатель-коммунист Ричард Райт рассказывает о «свободных» потомках Тома, о неграх, чьи права и положение на юге Америки мало чем отличаются от прав и положения их предка-раба.

«Белому все дано — у негра лишь черная шкура», «Белые захватили мир» — с этим сознанием входит в жизнь негритянский юноша, не смеющий появиться там, куда запрещен вход ему «и собакам», не смеющий взглянуть на белую женщину...

Мальчики выкупались в реке в запрещенной для них зоне — и мальчики тут же караются смертью. Пытаясь спасти семью от наводнения и доставить умирающую жену в больницу, негр берет у белого лодку — за это негр должен умереть. Все это могло случиться и во времена, описанные Бичер-Стоу. Но...

Но юноша Биг-бой стреляет в насильника, убившего его товарища. Но негр, взявший лодку, защищается до конца... Нет больше речи о кротости и смиренности.

Негр-пастор, чья спина превращена в кровавое месиво бичами белых истязателей, постигает и

запоминает навсегда: не покорностью и заискиванием перед палачами, не молитвами может завоевать негр свое место в жизни, но только борьбой, только сплоченностью и единением друг с другом и белыми братьями по классу.

Победит правда. Старая негритянка Сю отрекается от религии во имя того, что открыли ей сыновья. Борьбе за свободу, за права черных и белых рабов отдает она свою жизнь и жизнь своего любимого сына.

«Дядя Том» в устах современных негров — презрительная кличка. Новые негры Америки проникнуты чувством гордого классового самосознания и воли к борьбе.

Четыре небольших рассказа Райта исполнены поразительной силы. Сжатые, лаконические, насыщенные действием, написанные горячими густыми красками, они держат внимание читателя в непрерывном напряжении, берут читателя в плен, заставляя его жить жизнью и судьбами героев.

В иных местах эти рассказы читаются как стихи высокого поэтического накала. И не слезливое сострадание, не расслабляющую жалость к «черным братьям» ролят они, но возмущение и гнев, но восхищение перед храбростью и человечностью сильных, мужественных и благородных людей.

СОДЕРЖАНИЕ:

Жизнь Чкалова — пример для молодежи (обращение Героев Советского Союза к молодежи). А. Хромов — Имя зовет (воспоминания). П. Панченко — Чкалову (стихи). Чему учил Киров молодежь (статья). Ю. Герман — Сын народа (сцены из пьесы). Б. Ивантер — Четыре товарища (отрывок из повести). Дж. Конрой — Король цемента (рассказ). Фрунзовцы (статья). Б. Яглинг — О военной тайне (очерк). Заслуженный мастер спорта В. Прокофьев — Мы выходим на лед (очерк). А. Лукьянова — «Частное дело» (статья). Евг. Босняцкий — За компанию (очерк). Б. Шиперович — Холодная поэзия (статья). Заслуженный деятель искусств И. Бродский — Александр Лактионов (статья). Молодые мастера живописи. С. Карамоленко — «Александр Невский» (рецензия). Л. Фейгельман — Библиотека-музей Маяковского. Б. Яковлев — На манеже цирка. М. Поляновский — И грянул бой...

Заметки об интересных книгах: К. Чапек «Война с саламандрами». Р. Райт «Дети дяди Тома». Памятные даты: Краснознаменная Экспедиция подводных работ особого назначения (15 лет со дня организации). Зачинатель книгопечатания в России (355 лет со дня смерти первопечатника Ивана Федорова). Шахматы. Кроссворд. «Смена» за 1938 год. Фото И. Фигурова, Н. Штерцера, В. Воронина, Б. Кудоярова, И. Гущина, Г. Капустянского, М. Поляновского, В. Руйковича.

Рисунки Ю. Цишевского, Г. Балашова, Б. Винокурова, И. Гринштейна, Н. Лиса, В. Горяева. На обложке: Г. Мозжухин, один из сильнейших лыжников Москвы. Фото И. Фигурова. На обороте обложки: Поворот на палках. Фото В. Руйковича.

Жизнь Чкалова—пример для молодежи

Обращение Героев Советского Союза к молодежи

Валерий Чкалов в сознании всего советского народа был живым воплощением героизма и мужества. Он вырос в ленинско-сталинскую эпоху, открывшую широкую дорогу народным талантам. Имя Чкалова, великого летчика нашего времени, облетело мир, пораженный и изумленный подвигами советских соколов. Смелый и дерзкий перелет из Москвы через Северный полюс в Америку явился новым ярким подтверждением всепобеждающей силы советского строя.

Имя Чкалова войдет в историю человечества наравне с именами великих ученых и исследователей. Его подвиги входят в число величайших достижений двадцатого века.

У советской молодежи есть с кого брать пример.

Быть политическим деятелем, как Ленин, как Сталин,— что может быть выше этой задачи!

Быть верным сыном советского народа, горячим патриотом социалистической родины, бесстрашным и умелым бойцом со всякими посягателями на наши священные границы, бить врагов, как герои Хасана,— к этому должен стремиться каждый юноша нашей страны!

Быть отважным, выдержанным, энергичным, непоколебимым, храбрейшим из храбрых, как Чкалов,— истый сын советского народа,— вот достойная цель для нашей молодежи.

Плеяда богатырей героического прошлого народов великой советской страны пополнилась в наши дни новыми достойными именами. Наши богатыри готовы настичь и разбить врага всюду, откуда он посмеет на нас напасть.

Десяткам сынов советского народа присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Сильнейшим среди сильных и храбрейшим среди храбрых был Валерий Чкалов, заслуженно пользовавшийся всеобщим уважением и любовью.

У нас будут сотни и тысячи новых героев. Советский строй таков, что рождает героев ежедневно.

Путь подвигов во славу родины открыт перед нашей молодежью. Юноши и девушки советской земли! Смелее шагайте по этому пути, по которому шел Чкалов, по которому идут лучшие представители советского народа!

Чкаловская твердость характера, сила воли, отвага, мужество, преданность социалистической родине, готовность к самопожертвованию будут унаследованы нашей замечательной молодежью.

Молодые советские летчики! Учитесь летать дальше всех, выше всех и быстрее всех. Будьте готовы сокрушительно уничтожать любого врага, откуда бы он ни напал на советскую землю,—с суши, моря или воздуха!

Герои Советского Союза: М. ГРОМОВ, Г. БАЙДУКОВ, В. КОККИНАКИ, А. СЕРОВ, И. ДУШКИН, В. ШЕВЧЕНКО, А. ЮМАШЕВ.

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ ЧКАЛОВ
(2. II. 1904—15. XII. 1938)

ИМЯ ЗОВЕТ

Однажды в начале 1933 года нам сказали: — Ждите нового летчика-испытателя.

— Кто такой? — заинтересовались мотористы и авиотехники.

— Военный. Из истребителей. Орел, говорят.

— Как фамилия?

— Валерий Чкалов.

И в самом деле, вскоре после этого разговора подошел к нам вразвалочку широкоплечий, коренастый человек.

Я как раз возился с мотором. Поднял голову, посмотрел на него и подумал: «Вот он, наш новый испытатель. Лицо и впрямь орлиное».

А Чкалов поздоровался и спрашивает так, словно вчера с нами расстался:

— Ну как, все в порядке?

Руки у него были жилистые. Глаза хорошие, добрые, с живыми искрами. Я ясно представляю его стоящим перед товарищем Сталиным и говорящим скупое, неспеша:

— Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю.

Так оно и было. До последнего мгновения держали руки Чкалова штурвал, и в карусельном вихре штопора он видел рвущуюся навстречу самолету землю.

Не услышим мы больше гула мотора, запущенного рукой Чкалова.

Сколько раз я готовил Чкалову мотор! Сколько раз, закинув голову, следил за его орлиным полетом!

Мне было восемнадцать лет, когда со мной впервые заговорил наш новый испытатель. Мне исполнилось двадцать три года, когда я в последний раз видел Валерия Павловича у нас на заводе. Пять лет! За эти годы Чкалов стал великим летчиком. Все реже приходилось готовить для него машину. Другие, более замечательные полеты занимали его время. Но все мы с волнением следили за успехами нашего друга. В дни, когда ширококрылая чкаловская птица пролетела по сталинскому маршруту из Москвы до острова Удд; в дни, когда самолет Чкалова проложил прямую от Москвы до Соединенных штатов, — в эти дни мы все видели Чкалова так живо и близко, словно он кружил над нашим аэродромом на нашей машине, только что приготовленной к полету нашими руками.

Все мы, рабочие-менжинцы, которым посчастливилось работать вместе с Чкаловым, испытывали на себе огромное влияние этого негибкого, бесстрашного человека. Но особенно велико было влияние Чкалова на нас, молодежь. Мы, восемнадцатилетние, с жадностью слушали рассказы Валерия Павловича о его жизни. Он любил говорить с нами в свободную минуту. Многие мы уже знали о нем со стороны. Летчики рассказывали о его находчивости и смелости.

Мы, мотористы, авиотехники, слышали о том, как двадцатилетний Чкалов изучал летное искусство у старых ленинградских летчиков, как он еще в 1928 году получил награду от товарища Ворошилова за высший пилотаж.

Валерий Павлович в свободную минуту тут же у машины рассказывал нам о своем детстве, о родном поселке Василево-Слободе, о боях с мальчишками, купаньях на Волге. Он рассказывал нам, как впервые в 1919 году увидел самолет. Через 9 лет Чкалов был уже одним из лучших летчиков-истребителей. Рассказывал нам Валерий Павлович, как он работал слесарем по ремонту самолетов. И слушая его, кто из нас не мечтал стать отважным летчиком! Плох тот моторист, который не мечтает стать пилотом!

Но красноречивей всяких слов была работа Чкалова.

Вот он приходит угром, веселый, приветливый. Еще издали кивает головой. И мы знаем: подойдет Чкалов и спросит:

— Ну как, все в порядке?

Вот он залезает в кабину. Теперь он подобран, сосредоточен. Мы выбиваем колodки из-под колес... Мы зрители. Там, высоко в небе, на машине, впервые поднявшейся в воздух, работает Чкалов. А ты все смотришь и смотришь вверх на кувыркающийся, штопорящий самолет. Все ли будет в порядке, не подведет ли мотор? Эта мысль не выходит из головы.

Чкалов берег самолеты. С машиной он обращался бережно и заботливо. Известны его замечательные слова: «С машиной нельзя фамильярничать. С машиной надо обращаться на вы».

Несколько раз я видел Чкалова в минуты смертельной опасности. Однажды после взлета на машине оборвалась одна лыжа. Посадка казалась невозможной. А Чкалов круто пошел вверх, сделал боевой разворот, снизил до предела скорость и пошел на посадку. Самолет приземлился на одну лыжу. Запыхавшись, подбежали санитары, а Чкалов улыбается как ни в чем не бывало.

В другой раз я видел, как его машина скапотировала, перевернулась при посадке. Выта-

щился; если что-нибудь не ладилось, — хмурился и сунул брови.

Так мы научились по лицу Чкалова определять результаты испытания.

Часто тут же у самолета его окружали конструкторы. Чкалов давал советы, подробно рассказывал о том, как ведет себя машина в воздухе. Он всегда очень дорожил временем. Каждая минута была у него на учете. Может быть, поэтому Чкалов успевал следить за рождением новой машины начиная от первых набросков конструктора и кончая сборкой последних деталей.

С ним нельзя было работать плохо. Могучая творческая энергия большевика Чкалова облагораживала все вокруг.

Валерий Павлович дружил с молодежью. Он всегда находил время для того, чтобы заниматься с нами, готовить из мотористов летчиков.

Чкалов мечтал о могучей спортивной авиации, о таких летчиках-спортсменах, которые могли бы завтра же пересечь с безобидной авиэткой на истребитель.

Защищая эту идею, он боролся с людьми, возглавлявшими работу аэроклубов. Впоследствии оказалось, что в аэроклубах засели вредители, враги, пытавшиеся оторвать воздушный спорт от обороны.

Чкалов приходил к нам в заводской аэроклуб и учил летать молодых рабочих. Меня Валерий Павлович учил летать на планере. Я был свидетелем, как Чкалов вывозил в воздух, сделал летчиками трех молодых рабочих. Буксанов, Нестерпелов и Терехов учились летать по-чкаловски у самого Чкалова.

Сколько сердца вкладывал Валерий Павлович в эти занятия! Он радовался нашим успехам и хмурился, когда дело не ладилось. Да, он был испытателем не только машин, но и людей. Заняв место в задней кабине, он вылетал вместе со своим учеником. Некоторые ребята, желая «блеснуть», пытались покруче развернуться, сделать лишний виток в штопоре. Но Чкалов тут же в воздухе сурово одергивал ученика.

Когда Чкалов сердился, он говорил грозно: — Смотреть надо!

Когда он был доволен, бросал отрывисто: — Молодец!

Часто он заставлял своих учеников по десятку раз взлетать и садиться, прежде чем мы слышали это короткое слово: «Молодец!»

До последних дней не прекращал Чкалов дружбы с нашим заводом. Мы видели Валерия Павловича и после возвращения из Америки. Чкалов рассказывал нам о своих впечатлениях, шутил, спрашивал наших летчиков, как летается, как работает. Иногда Чкалов неожиданно появлялся в цехе, ощущивал своими руками детали, стоял у моторов. Он скучал по своей любимой работе испытателя. И как только представлялась возможность, Валерий Павлович спешил к самолету. Так он взлетел и 15 декабря...

Невозможно примириться с мыслью, что Чкалов больше не подойдет к самолету, не улыбнется, не спросит, все ли в порядке.

Когда я слышу слово «Чкалов», я подтягиваюсь словно в строю. Его имя воплощает качества человека сталинской эпохи, непримиримую ненависть к врагам, мужество и скромность. Его имя зовет нас, молодежь, к борьбе, к упорному труду на благо социалистической родины.

Я слышал о том, что сын Чкалова Игорь не захотел видеть отца в гробу. Мальчик решил навсегда запомнить его живым, улыбающимся, каким только и можно запомнить Чкалова.

Я верю, придет время и Игорь Чкалов пролетит брешком полетом над кремлевской стеной, в которой покоится прах его великого отца.

ЧКАЛОВУ

Я никогда не виделся с тобой,
Мой старший брат, мой легкокрылый брат.
Но я всегда дышал твоей судьбой —
Стремительной, не знающей преград.

Молотобоец, кочегар, боец
И авиатор, да еще какой!
С тобой взлетали тысячи сердец,
Живая песнь о доблести людской.

И внуки внуков наших воспоют
Тебя, кто их на подвиг окрылил,
Кто сделал подмосковным остров Удд,
Кто с воздуха Америку открыл.

Кто так держал в своих руках штурвал,
Что мнилось: их и смерть не оторвет!
Кого как сына Сталин целовал,
Кого как сына выходил народ.

Ты так мечтал планету обогнуть —
Свою страну прославить вновь и вновь!
Твой солнечный, твой благородный путь
Продолжат воля, смелость и любовь.

Твои мечты, как прежде в вышине,
В работе нашей, в песнях и в борьбе.
Нет, никогда ты не умрешь в стране,
Где самый воздух — памятник тебе,
Валерий Чкалов!

П. ПАНЧЕНКО

шили мы его из-под самолета, трясем, ощущаем, а он пожимает плечами: да что мне сделается?

Но все эти аварийные случайности можно по пальцам перечесть. Как правило, полеты Валерия Павловича проходили без всяких приключений. Воздух его боялся.

Если Валерий Павлович бывал машиной очень доволен, он вылезал из кабины улыбаю-

Чему учил Киров молодежь

Он учил молодежь использовать весь юношеский пыл, все способности, чтобы «действительно охватить все революционное движение и запечатлеть уроки его глубоко в своей коммунистической голове».

Сам беззаветно преданный учению Ленина—Сталина, остро ненавидевший врагов партии и беспощадно боровшийся с ними, он отстаивал молодежь от вражеского влияния. Со всей большевистской страстью он боролся против попыток врага политически разложить нашу молодежь.

Киров провел огромную борьбу с зиновьевской бандой. В 1925 году зиновьевская верхушка ленинградского комсомола выступила против решений XIV съезда партии. Сергей Миронович неумоимо раз'яснял комсомольским массам Ленинграда преступную, антибольшевистскую сущность зиновьевской «оппозиции». Он разил острым, кировским словом тех, кто, поддавшись уговору Зиновьева, пошел против Ленина и Сталина, против партии. Зиновьевская верхушка ленинградского комсомола была разгромлена, и «...вскоре ленинградская комсомольская организация вновь заняла подобающее ей место в комсомоле» («История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», стр. 265).

Троцкистско-зиновьевские предатели, пытаясь противопоставить молодежь старым большевистским кадрам, сознательно расшатывали дисциплину в комсомоле, подрывали авторитет старших товарищей, культивировали среди комсомольцев ухарство и разухабистость. С какой гневной силой обрушился Киров на все эти чуждые нашей молодежи черты!

Он бичевал самодовольство, невежество, чванство среди некоторых прослоек молодежи. С едкой иронией говорил он о тех комсомольцах, которые считают: «Мы, мол, все знаем, нечему нас учить...»

Не зазнаваться, не переоценивать своих сил, не превращаться в делеяг, соединять практическую работу с изучением революционной теории— вот чего он требовал от молодежи. «Не нужно,—говорил он,—ни на одну минуту утешать себя тем, что я, мол, во всем разбираюсь, что я, мол, все понял,—нет, нужно при каждом случае практической и теоретической проверять работу, смотреть, что выходит на практике».

Комсомол—резерв партии. И Киров внимательно следил за тем, как воспитывается этот резерв, как закаляются будущие большевистские кадры. И на крупных хозяйственных проблемах, и на мелочах, и на больших теоретических вопросах он воспитывал в молодежи черты нового человека, сталинские черты—упорство, волю к достижению цели. «Овладейте большевистским стилем работы—стилем Ленина и Сталина»,—говорил он комсомольцам в приветствии к пятнадцатилетию ВЛКСМ.

Он учил комсомол следовать по пути партии, по ленинско-сталинскому пути. Учил комсомол быть верным помощником партии в деле индустриализации, в обороне страны, на фронте борьбы с технико-хозяйственной и культурной отсталостью. Основная забота Сергея Мироновича была направлена к тому, чтобы воспитать из комсомольцев, из молодых советских людей «...твердых, прямолинейных, любящих труд, науку, любящих радости, но не боящихся и горя, молодых борцов».

В советской молодежи Киров видел неисчерпаемый источник новых кадров для всех

отраслей социалистического хозяйства и культуры.

Под непосредственным руководством Кирова бакинская, ленинградская организации воспитали из молодежи прекрасные кадры, кадры партийных работников, инженеров, конструкторов, летчиков, командиров Военно-Морского Флота.

Комсомол—огромная сила в Красной Армии, он—сердце Осоавиахима. Сергей Миронович придавал огромное значение роли молодежи в обороне страны. Он требовал от комсомола основательно владеть всеми средствами обороны, с помощью которых Советский Союз будет отстаивать свои рубежи. Миллионы комсомольцев, научившиеся владеть всеми средствами обороны,—это непобедимая сила, говорил Сергей Миронович.

И одновременно Киров учил, что вся учеба, вся многосторонняя деятельность комсомола на фронте социалистической стройки должны сочетаться с интернациональным воспитанием:

«Не комсомолец тот юноша или та девушка, которые дальше своей страны ничего не видят. Не ленинец тот комсомолец и та комсомолка, которые не находят в поле своего зренья миллионов трудящихся и угнетенных Старого и Нового света!»

Вождь масс, блестящий народный трибун, пламенный борец за дело коммунизма, Киров видел светлые горизонты будущего. И он учил молодежь видеть замечательные перспективы социалистической страны и уничтожать тех, кто предаст дело партии Ленина—Сталина, социалистическую родину. Он разил врага пламенным словом большевистской правды и учил этой правде молодежь, учил комсомол быть правдивым перед партией, перед своим народом. Он указывал источник этой правды—великое учение Ленина—Сталина.

Киров неустанно призывал молодежь бороться с нравами, чуждыми большевизму. Он говорил: «...Можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что кругом творится». Враги и их пособники, орудовавшие в комсомоле, всячески старались утаить от молодежи советы Кирова, его замечательные речи, направленные к советской молодежи, его пламенные призывы крепко держать в руках компас ленинизма. С помощью Сталинского Центрального Комитета партии враги в руководстве комсомола были разоблачены. Очищая свои ряды от вражеского охвота, выжигая и вытравляя антибольшевистские нравы, комсомол выполнит то, чему учит его товарищ Сталин, к чему призывал комсомольцев незабвенный Сергей Миронович.

В своих речах, обращенных к молодежи, Сергей Миронович никогда не убаюкивал ее: он с большевистской прямотой обнажал все недостатки и указывал пути их устранения: быть верным партии, не зазнаваться, быть скромным, учиться, не бояться трудностей.

Троцкистско-бухаринские бандиты, агенты фашистских разведок, убили кристальной чистоты борца за коммунизм, пламенного народного трибуна, одного из лучших друзей молодежи. Будем учиться у Кирова преданности партии и большевистской зоркости! Будем закалять себя по-кировски! Будем воспитывать в себе черты железного большевика—кировские черты! В учебе, на производстве, обороняя границы великой Советской страны,—всюду и всегда будем жить и работать так, как жил и работал соратник товарища Сталина—бесстрашный революционер Сергей Миронович Киров.

Сергей Миронович Киров горячо любил Советскую молодежь. Сам прошедший нужду и вступивший в юные годы в революционную борьбу, он уделял огромное внимание нашей молодежи, комсомолу, который, по его словам, «всей своей борьбой, всем своим существованием... действительно вписал в историю высокие, героические, поднимающие, возвышающие трудящееся человечество страницы».

Киров был молод своей любовью к социалистической революции, к народу, своей неиссякаемой, пламенной верой в победу коммунизма. И эти черты свои: негибкость пролетарского революционера, веру в жизнь, в массы, неутомимый, жадный интерес к знаниям, к науке—он прививал молодежи.

Киров настойчиво и страстно боролся за большевистское воспитание молодых кадров. При каждой встрече с комсомольцами Сергей Миронович неизменно говорил о том, что если молодежь хочет видеть перспективы революции, если она не хочет жить и работать вслепую, она должна учиться, учиться, овладевать марксистско-ленинской теорией.

Юношеские годы Кирова прошли в тяжелой нужде. Только упорство способного юноши, только его воля помогли ему блестяще окончить школу и потом поступить в казанское техническое училище. Он учился буквально на медные гроши. Когда Киров подал прошение о выдаче пособия, царский чиновник написал резолюцию: «Выдавать по пять рублей три месяца». Киров был временно исключен из училища, потому что не мог внести плату за учение. Но все эти лишения не могли сломить воли юноши к учебе. По воспоминаниям школьных товарищей и учителей, Сергей Костриков проявлял огромное упорство, твердость на пути к цели—к получению знаний. Ему было 18 лет, когда в подпольном кружке он прочитал книгу Ленина «Что делать?» И в большую революционную жизнь Киров вошел уже марксистски образованным человеком.

Какая грань легла между юношескими годами Кирова и любого нашего комсомольца! Советский строй, коммунистическая партия создали все условия для роста нашей молодежи. Перед юношами и девушками нашей страны широко раскрыты двери учебных заведений, научных институтов, библиотек, домов партийного просвещения. И Киров всегда горячо призывал комсомол, молодежь использовать эти огромные возможности, чтобы изучить законы общественного развития, чтобы знать законы, которые двигают нашу страну, все человечество к великой цели—коммунизму.

(Сцены из пьесы)

I

Кабинет учебных пособий в школе. Школа новая, бревенчатая. Большие окна. Раннее зимнее утро. На стеклах, покрытых морозными узорами, играют солнечные лучи. Возле стен узкие низенькие столы, на столах учебные пособия по физике, по химии, по географии, по зоологии. На стенах чучела птиц и мелких животных Северного края. Несмотря на яркое, солнечное утро в кабинете под потолком горит сильная лампа «молния». Посредине комнаты, возле стола, похожего на кафедру, стоит Григорий Иванович Пархоменко. Он в очках. На нем пиджак, гимнастерка, брюки, заправленные в белые бурки. Положив руку на большой глобус, перебирая пальцами по поверхности шара и слегка отворотив лицо, он как бы что-то ищет.

ПАРХОМЕНКО (очень медленно). Гибралтар? Да, Гибралтар. Это Суэц. Да. Сингапур. Огненная Земля. Вот здесь, наверху, Венесуэла. Видите, ребята, вот, светлая. Вот тут Гвана. Вот тут Колумбия. Ниже Эквадор. Потом Перу. Это Аргентина. А все побережье занимает Чили. Ну, ребята, теперь поговорим об экваторе. Где проходит экватор? Ну, Суматра, Борнео... Ну, Тихий океан, ну, захватывает часть экватора, проходит по Колумбии, Бразилии...

Дверь отворилась. Вошел Калюжный.

ПАРХОМЕНКО. Дальше Атлантический океан, затем Африка. Конго. Потом Индийский океан.

Калюжный кашлянул.

ПАРХОМЕНКО. Это кто? (Поворачивает голову к Калюжному.) Кто пришел?

КАЛЮЖНЫЙ (тихо). Не узнаешь меня, Григорий Иванович?

ПАРХОМЕНКО. Голос знакомый... очень знакомый. Но... не помню.

КАЛЮЖНЫЙ (жестко). А ты присмотришь, Григорий Иванович.

ПАРХОМЕНКО. Я стал... последнее время... плохо видеть.

КАЛЮЖНЫЙ. Я напому тебе, Григорий Иванович. Одиннадцать лет тому назад, когда ты был совсем молодым учителем, к тебе в школу прислали парня с четвертой версты — лесоруба... Не помнишь?

ПАРХОМЕНКО. У меня было много учеников...

КАЛЮЖНЫЙ. Райком прислал к тебе парня. Ты привил парню, темному лесорубу, любовь к знаниям. Вечерами парень приходил к тебе на квартиру, и ты, усталый, занимался с ним, вколачивая ему в голову арифметику, алгебру и геометрию, рассказывал о звездном небе, читал Пушкина... Не помнишь?

ПАРХОМЕНКО. У меня было много учеников.

КАЛЮЖНЫЙ. Не раз ты говорил парню о великой силе свободного человеческого ума. Ты рассказывал ему о Марксе, Пастере, о Ньюtone... Девять лет тому назад парень, твой ученик, уехал в Ленинград... Вспомни, Григорий Иванович.

ПАРХОМЕНКО. Воробьев?

КАЛЮЖНЫЙ. Нет. Воробьев стал летчиком.

ПАРХОМЕНКО. Ваганов?

КАЛЮЖНЫЙ. Ваганов — инженер.

ПАРХОМЕНКО. Позволь, позволь... Не Кузьма ли?

КАЛЮЖНЫЙ. Он самый.

ПАРХОМЕНКО (очень волнуясь). Приехал... поди ж ты... Ну, давай поцелуемся... (Обнялись.) Широкий стал. Здоровый. Доктор?

КАЛЮЖНЫЙ. Так точно. По вашему совету, товарищ начальник. ПАРХОМЕНКО. Вот и доктор теперь у меня есть, а то все были, а доктора не было. Ну, я рад, я очень рад. Доктор! И рецепт можешь прописать, да? И пульс там выслушать?..

КАЛЮЖНЫЙ. Все могу. Ногу могу отрезать, руку могу отрезать.

ПАРХОМЕНКО. Я рад. Очень. Давай сядем. Поговорим, а?

КАЛЮЖНЫЙ. Что же у тебя с глазами, Григорий Иванович?

ПАРХОМЕНКО. Да ерунда у меня, брат, с глазами. Когда солнца есть, я хорошо вижу. А когда солнца нет, понимаешь, не вижу. При керосиновом освещении и совсем ничего не вижу.

КАЛЮЖНЫЙ. Причем тут керосиновое освещение? Солнцем полна комната, а ты керосиновое освещение. Лечисься?

ПАРХОМЕНКО. Раньше лечился, сейчас бросил. Только на эту тему зря говорить. Неинтересно. Школу-то ты мою видел?

КАЛЮЖНЫЙ. Вижу. Хорошая школа.

ПАРХОМЕНКО. Отличная школа! Просторная, светлая, теплая. Потолки какие, ты погляди! А это у нас кабинет научных пособий. Чучела узнаешь? Вот этого зайца мы с тобой вместе убили. И чучело сделали вместе. И сову вместе. Как она шипела, помнишь? А как тебя гадюка ужалила, помнишь? А как на рыбалку мы вместе ходили, картошку пекли, охотились?.. Сейчас мне уже не поохотиться. В партию тебя приняли?

КАЛЮЖНЫЙ. Приняли. Вот шел в райком, к Анне Ивановне, на учет становиться, да по дороге сюда. Что же у тебя все-таки с глазами, Григорий Иванович?

ПАРХОМЕНКО. Болею. Ездил

по врачам. Между нами говоря, прямо заявляют: «Плохо ваше дело, уважаемый товарищ Пархоменко. Переходите на инвалидность, дадим вам пенсию, будете спокойно жить да поживать». Какая же, спрашивается, жизнь без работы? Я учить люблю. Сколько моих учеников в люди вышло! На Чукотке мои ученики есть, в Орле есть. В Сталинграде, даже в Москве... Я ведь гордый, Кузьма, я очень гордый. Я думаю, Данилов, мой ученик — на Чукотке путешественник и открыватель новых земель, и не без меня он открыватель. Понял? Я думаю, я, брат, уверен: не без меня. Я ему про Колумба первый рассказал. Вот ты сидел, и он, и другие разные: ушастые, стриженные, мокроносые, — а я вам рассказывал про сына ткача из Генуи, про мальчишку, который карты чертил...

Слышишь длинный звон колокольчика, топот бегущих ног, веселые детские голоса, смех.

ПАРХОМЕНКО. Вот они побежали, мокроносые. Первый урок. Сейчас сядут за парты, засопят, тетрадки раскроют. «Дядя Гриша, корова через какое «е» пишется: через простое или оборотное?» Вон визжат. Да... О чем это я? О Христофоре Колумбе. О Данилове. Ты только представь себе, как идут по огромному, беспокойному, неизвестному океану три маленькие, крошечные каравеллы. А? И какая сила убежденности вела

— Приехал... поди ж ты... Ну, давай поцелуемся...

Колумба, как верил он в свое дело, как ничего не боялся!.. Эти три каравеллы, гордые, маленькие, кренящиеся, а вокруг океан, без конца океан. А? И вот сидит, слушает меня Юрка Данилов. Уши красные, глаза, как плоски, он, брат, уж сам Колумб, и, кто знает, может быть, я, Григорий Пархоменко, тоже сейчас с ним на Чукотке, потому что ведь я заложил эту жажду в него, это стремление открывать, не успокаиваться, дальше идти. И я горжусь, очень горжусь! Каждый год, весною, едут отсюда мои дети, мальчики мои, девочки, едут в институты, техникумы, университеты. У меня все дальше учатся. Я им говорю: вам все дано — учитесь. Они у меня, знаешь, какие жадные? Все хотят знать...

Слышен хор юных голосов.

ПАРХОМЕНКО. Урок пения. Есть ребята—ох, поют хорошо! Мокроносые. А потом прочитаю в газете, что из моей школы певец тоже вышел. А? Горд я, Кузьма, ужасно горд. Вот слепну, а не могу расстаться. Фокусы разные себе изобрел. Глобус вот. Я ведь наощупь. Сам придумал: булавки воткнул и по булавкам, по булавочным головкам, ориентируюсь. Где что. Пролиты, материки, острова. Вот, например, Огненная Земля. А вот Чукотка, где Данилов мой орудует. А вот Ташкент — тут замнаркома есть, тоже из моей школы. А вот Москва. Тут в Кремле Воробьеву—летчику—орден дали. Калинин дал, Михаил Иванович. А Воробьев сразу из Кремля на телеграф и мне телеграмму. Вот телеграмма... (Ищет в бумажнике). Вот. На, читай!

КАЛЮЖНЫЙ (читает). «В самый счастливый день моей жизни...»

ПАРХОМЕНКО (перебивает). Так как же я могу уйти? Как? Если это моя жизнь, как я могу не работать? И я работаю. Я учу их, моих детей. Учю всему, что знаю сам. И они учатся. Я учу их своим примером, тем, что слепну и продолжаю работать. Они смотрят на меня и думают: «Все может победить человек». Я знаю, что они так думают. И своей работой я им отвечаю: да, все может победить человек. У меня память отличная, я много повидал в своей жизни и рассказывал им, мокроносым. Я гуляю с ними... Ты не думай, что я плохо хожу, я хорошо хожу. Вот, смотри! (Встал, легко, будто зрячий, прошелся по комнате.) Видел? Без палочки. И вон как хожу.

КАЛЮЖНЫЙ. Дай, Григорий Иванович, я твои глаза посмотрю.

ПАРХОМЕНКО. А ты и в этом деле понимаешь?

КАЛЮЖНЫЙ. Понимаю. Подика к свету. (Взял Пархоменко за руку, подвел к окну. Легким движением быстрых и ловких пальцев приподнял веко). Смотри вверх. Вниз. Направо. Еще вверх.

ПАРХОМЕНКО. Ну? (Калюжный молчит). Ты не огорчайся, Кузьма, я знал, что мое дело плохо. Вошла Анна Ивановна. За ней дядька в шапке-ушанке несет тяжелый сверток.

АННА ИВАНОВНА. Можно к тебе, Григорий Иванович?

ПАРХОМЕНКО. Что так рано, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА (дядьке). Сюда ставьте, сюда. Только осторожнее. Ну, спасибо. Не надорвалась?

ДЯДЬКА. Что вы! У меня сила медвежья. До свиданья. (Ушел.)

АННА ИВАНОВНА (увидев Калюжного). Это кто? Неужели Кузьма Андреевич?

КАЛЮЖНЫЙ. Он самый.

АННА ИВАНОВНА. Ах ты, мой милый! Ах ты, золотой мой! Приехал-таки! Дай же я на тебя погляжу, сынок. Серьезный стал. Ученый. Доктор. Григорий Иванович, не забывают тебя ученики-то твои!

ПАРХОМЕНКО. Не забывают, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Школу видел? Поселок видел? В больнице был? Погоди, погоди, не отвечай. Ты что ж один? Жинка где? Погоди, помолчи... Да ты голову-то не опускай. Не ты испугался, она испугалась. Испугалась?

КАЛЮЖНЫЙ (тихо). Не знаю.

АННА ИВАНОВНА. Приедет?

КАЛЮЖНЫЙ. Нет, не приедет.

АННА ИВАНОВНА. Сказано, голову не опускай. Прямо смотри. И отвечай прямо. Красная девица какая! Я тебе в матери гожусь. Отвечай, что случилось?

КАЛЮЖНЫЙ. Не поехала. Обманула. Испугалась.

АННА ИВАНОВНА. А ты ее любишь?

КАЛЮЖНЫЙ. Это к делу не относится.

АННА ИВАНОВНА. Ох, упрямый. Характерец! Больше ничего не скажешь?

КАЛЮЖНЫЙ. Я все сказал.

Пауза. Слышен звонок.

АННА ИВАНОВНА. Справисься один?

КАЛЮЖНЫЙ. Раз надо,—значит, справлюсь. Вот ремонт начну.

АННА ИВАНОВНА. Поможем. Начинать скорей. (Помолчала, тихо.) А ее выбрось из головы. И легче станет. (Повернулась к Пархоменко). Григорий Иванович, я тебе подарок принесла. (Развязывает пакет.) Выписали мы для тебя машинку пишущую. Специальную. Для твоей болезни. Поди поближе. Очень хорошая вещь. Прекрасная. Наощупь печатать будешь. И буквы на бумаге получаются тоже выпуклые. Дай-ка вон бумагу. Это тебе куда легче, чем писать. Верно, Кузьма Андреевич? Как эта система называется?

КАЛЮЖНЫЙ. Чтение по Брайлю.

АННА ИВАНОВНА. По Брайлю. Правильно. (Печатает). Сейчас я тебе напечатаю загадку. Сейчас. (Вынула лист из машинки, протянула Пархоменко). Читаешь?

ПАРХОМЕНКО. Да. (Читает.) «Григорию Ивановичу Пархоменко, непартийному большевику, учителю нашей детворы, от райкома ВКП(б) на память». (Тихо.) Ну, спасибо... Я знаю, что я...

АННА ИВАНОВНА. Полно тебе...

Слышен звонок.

ПАРХОМЕНКО. Кончилась перемена. Идти надо.

В дверь просунулась вихрастая голова.

ГОЛОВА. Григорий Иванович, какие пособия забирать?

ПАРХОМЕНКО. Я сам возьму.

(Взял большой глобус, карту.) Ну, гости дорогие, до свиданья. Заходите. (Ушел.)

АННА ИВАНОВНА. Видал человека?

Занавес.

II

Кабинет Анны Ивановны. Портреты Ленина, Сталина. Зимний день. Видно, как за окнами крупными хлопьями идет снег. Анна Ивановна работает за столом. Скрипнула дверь.

АННА ИВАНОВНА. Кто там? Войдите.

Дверь опять скрипнула.

АННА ИВАНОВНА. Да войдите же!

Встала, отворила дверь.

ПАРХОМЕНКО (входит). Всегда я с дверями путаюсь. Небось, опять в стенку лопнул?

АННА ИВАНОВНА. И зачем ты, дорогой товарищ, один ходишь? Не надо тебе одному. Позвонил бы, я бы за тобой машину послала... Давай помогу раздеться.

ПАРХОМЕНКО. Я не один. Я с доктором. Только его внизу задержали. Разные знакомые.

АННА ИВАНОВНА. И вообще нечего тебе, Григорий Иванович, ходить, мы бы к тебе зашли. Давай шапку, я повешу.

ПАРХОМЕНКО. Эту шапку мне подарил один мой бывший ученик. Подарок прислал. Пыжиковая шапка. Хорошая?

АННА ИВАНОВНА. Очень.

ПАРХОМЕНКО. Он теперь большой человек. Геолог. Геологией занимается. А раньше был Сашка Пуговица. Прозвище Пуговица-Мокроносый. Вот шапку теперь подарил. А у тебя, Анна Ивановна, было прозвище, когда ты в школе училась?

АННА ИВАНОВНА. Не было.

ПАРХОМЕНКО. Что так?

АННА ИВАНОВНА. Я в школе никогда не училась. Батрачкой была. Нянькой была. А школьницей нет, не была. Не пришлось.

ПАРХОМЕНКО. Да, да. Так. Жалко. Школьные годы — самые лучшие годы. Я это знаю.

КАЛЮЖНЫЙ (входит). Можно?

АННА ИВАНОВНА. Здравствуй, Кузьма Андреевич.

КАЛЮЖНЫЙ. Я не по делу, Анна Ивановна. Так. Поболтать.

АННА ИВАНОВНА. Садись, Кузьма Андреевич.

ПАРХОМЕНКО. Теперь уже не говорят: школа — самое лучшее учреждение в поселке. Теперь говорят: больница — самое лучшее учреждение. Обогнал меня доктор. Прыткий. Ничего, еще потягаться. Есть еще порох в пороховницах.

КАЛЮЖНЫЙ. Анна Ивановна, я тебе кое-что рассказать хочу. Можно?

АННА ИВАНОВНА. Что ты такой торжественный, Кузьма?

КАЛЮЖНЫЙ. Никакой я не торжественный. (Ходит.) Я тебя как секретаря должен в курс поставить.

АННА ИВАНОВНА. Ты сядь, в глазах мелькает.

КАЛЮЖНЫЙ. Хорошо. (Сел.) Так. (Пауза.) Ну, что ты, Анна Ивановна, на меня глядишь? (Пауза.) Да. Тут маленькая будет лекция. Позволяешь?

АННА ИВАНОВНА. Не тяни ты душу.

Вынула лист из машинки, протянула Пархоменко.

КАЛЮЖНЫЙ. Хорошо. Да... С чего же это мне начать? В общем два года тому назад я принял больницу в поселке, и два года тому назад мы в больнице приступили к осуществлению некоторых опытов. Опыты проходили у нас неудачно. Очень долгое время. Мы занимались... пытались заняться вопросом пересадки роговой оболочки глаз от одного слепого животного к другому. Надо сказать прямо, что не мы первые, то есть не я первый начал эти опыты. Есть целый ряд авторов, которые это проделывали уже давно. Это дело насчитывает уже сотни лет. Начал его в 1818 году Рейзингер, потом Гимли, потом Рикке, потом Меснер. И ничего у них из этого дела не выходило, то есть выходило, но не дальше чем за пределы лаборатории. Там принцип был у них один неверный... Ну, путаница была...

АННА ИВАНОВНА. Ты о чем, Кузьма Андреевич, говоришь? Я не понимаю. Что за пересадка роговицы?

КАЛЮЖНЫЙ. Пересадка роговицы при полных бельмах — это, как бы тебе объяснить, Анна Ивановна, это попытка бороться с одним из видов слепоты, с одним из очень распространенных видов слепоты. Ну вот, так к концу прошлого века с этим делом было очень плохо, и только в начале нашего нынешнего века один врач, Эльшник, дал хороший результат стойкого приживания роговицы. У него удачных приживлений было до двадцати процентов. Понятно? Пятая часть слепых людей, которых он оперировал, прозревала. Ну вот... Я на людях еще не работал. Но на животных я имею сейчас, за два года лабораторной работы, семьдесят процентов удачных операций. Понятно? Никто не отвечает. Тишина. Калюжный потирает

лицо руками.

ПАРХОМЕНКО (ищет по столу рукой). Налей-ка мне воды, Анна Ивановна, пожалуйста.

КАЛЮЖНЫЙ. Теперь из стадии лабораторной я выхожу. С животными моими мне больше делать нечего. У них все в порядке. Так. Мной предложен способ пересадки роговицы от трупа живому человеку. Называется это дело — модификация Калюжного. Здесь самое главное было — решить вопрос приживания трансплантата. В какой-то части этот вопрос решен. Есть такой исследователь Каррель... Так вот нам удалось выяснить, что сок растертых куриных зародышей повышает энергию роста тканевых культур. Ванночки на глаз из физиологического раствора с восьмидневным куриным зародышем отразились на послеоперационном течении в высшей степени благоприятно. Трансплантат при помощи этих ванночек получил питательные вещества, называемые трофонами. Ну я в подробности углубляться не буду. Я скажу только, что двухлетняя работа наша даром не пропала. И что кое-какие результаты мы получили.

АННА ИВАНОВНА. Какие же это результаты, Кузьма?

КАЛЮЖНЫЙ. Такие, что надо начинать оперировать людей. (Пауза). Ну что ты, Анна Ивановна, глядишь, будто я вздор мелю? Это не вздор. Это, кажется, в некотором роде научное открытие. (Громко и раздраженно.) В общем никакое, конечно, это — не открытие, но это вовсе не вздор.

АННА ИВАНОВНА. Что же ты сердисься, Кузьма Андреевич? Разве я что-нибудь говорю?

КАЛЮЖНЫЙ. Пустяки! Так вот, я телеграммы давал, советовался с профессорами. Отвечают: оперируйте.

ПАРХОМЕНКО. Кого оперировать?

КАЛЮЖНЫЙ. Тебя, Григорий Иванович.

ПАРХОМЕНКО. Меня?!

КАЛЮЖНЫЙ. Точно. Но я сразу должен предупредить, что за успех этого дела поручиться не могу. Разумеется, лично я уверен... Я ведь два года и днем и ночью... И раньше, в институте... Но поручиться все-таки... то есть, я, конечно, поручиться тоже могу, но надо себе представить... Вдруг оплошность, и тогда... Педагог наш Григорий Иванович Пархоменко на всю жизнь лишится зрения. А если допустить, что где-то в другом конце Советского Союза либо за рубежом какой-то другой врач нынче тоже разработал свою модификацию пересадки роговицы и эта модификация дает лучшие результаты чем моя... Понятно? А Пархоменко уже будет оперирован и неудачно... Но я повторю: я лично уверен...

ПАРХОМЕНКО. Что же ты столько времени молчал, Кузьма?

АННА ИВАНОВНА. Погоди, Григорий Иванович, дай ему кончить.

КАЛЮЖНЫЙ. Мне больше нечего... Я все сказал.

АННА ИВАНОВНА. Как ты сам, Григорий Иванович, смотришь на это дело?

ПАРХОМЕНКО. Как я могу смотреть? Я никак не могу смотреть. Мне работать надо. Если Калюжный мне мои глаза отдаст... Я просто и не знаю, что сказать...

АННА ИВАНОВНА. Ты не волнуйся, Григорий Иванович.

ПАРХОМЕНКО. Мне глаза нужны... Мне, товарищи, вот как глаза нужны...

АННА ИВАНОВНА. Сядь, Кузьма Андреевич, что ты бродишь.

КАЛЮЖНЫЙ. Григорий Иванович, решай.

ПАРХОМЕНКО. Я решил.

КАЛЮЖНЫЙ. Доверяешь?

ПАРХОМЕНКО. Я ведь ничем, Кузьма, не рискую. Так что переживать нам не стоит. Самое большое — останусь слепым. Ну, что же... К этому я привык.

КАЛЮЖНЫЙ. Анна Ивановна...

АННА ИВАНОВНА. Что тебе?

КАЛЮЖНЫЙ. Я совета твоего спрашиваю.

АННА ИВАНОВНА. Какой же я советчик? Раз ты, врач, считаешь, и раз Григорий Иванович тоже считает...

КАЛЮЖНЫЙ. Пока он был слепым, это ничего. А вот если я ему сделаю операцию и после операции окажется, что дело плохо, вот тогда...

АННА ИВАНОВНА. Тогда наш Григорий Иванович опять будет учить детей и своим замечательным примером будет воспитывать их и... уж за это я ручаюсь.

КАЛЮЖНЫЙ. Значит, решено?

ПАРХОМЕНКО. Решено, Кузьма.

КАЛЮЖНЫЙ. Когда же займемся?

ПАРХОМЕНКО. Хоть завтра.

Молчанье.

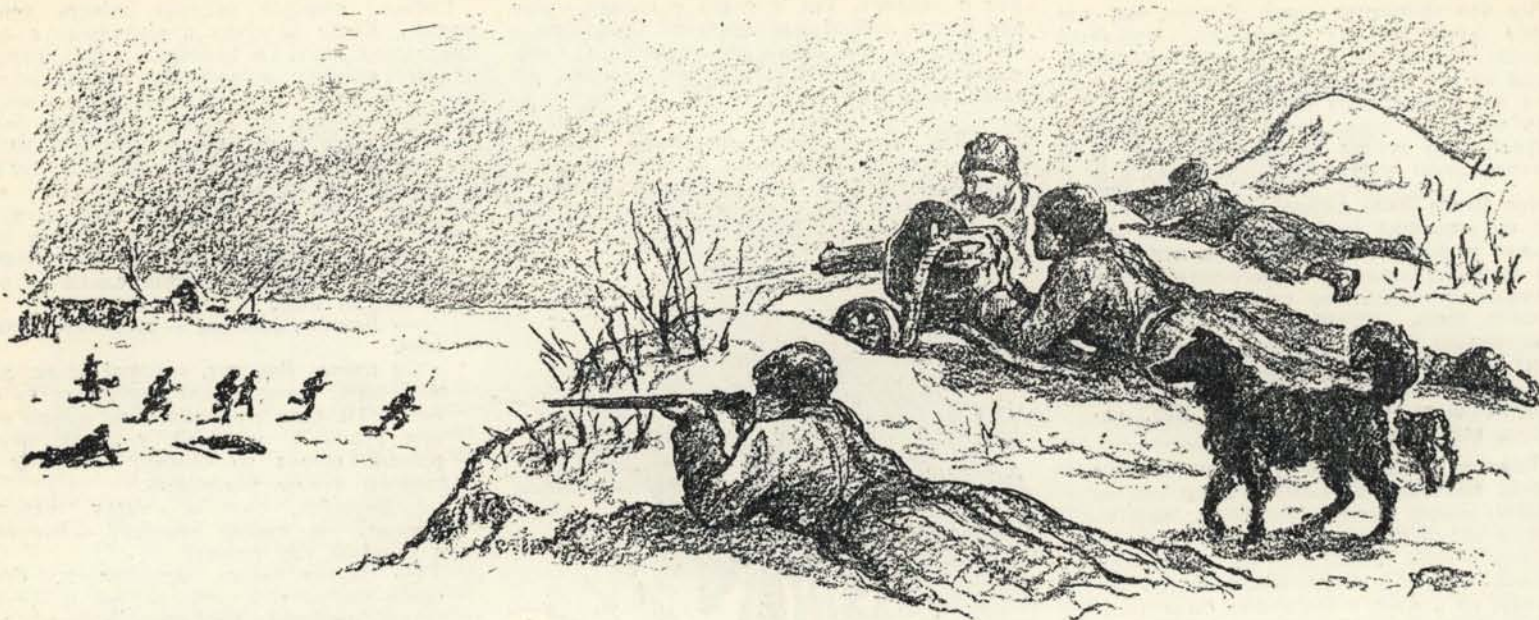
КАЛЮЖНЫЙ. Когда у нас люди затевают какое-нибудь предприятие, ну там, скажем, арктический перелет, или плавание какое-нибудь особенное, или еще что-нибудь в этом роде, то спрашивают разрешение у Сталина... Как ты думаешь, Анна Ивановна, разрешил бы нам товарищ Сталин?

АННА ИВАНОВНА. Я так думаю, что разрешил бы.

Занавес.

— Результаты такие, что надо начинать оперировать людей.

Пулемет заработал...

ЧЕТЫРЕ ТОВАРИЩА

...Ночь была на исходе. Двое полных суток прошло с тех пор, как они четверо отбились от своей части. Вчера, к вечеру, они вышли сюда, на этот, изрезанный оврагами холм, перед которым на большой снежной равнине стоял одинокий хутор. Один из четверых, Ковалев, молодой парень с завода Гельферихсаде, пробрался, как стемнело, на хутор, чтобы разведать, кто там — свои или белые, и утащил с крыльца пулемет, стоявший без охраны.

Из четверых, сидевших на холме, только один, Прокошин, воевавший седьмой год, с начала империалистической войны, был обстрелянным, опытным человеком. Остальные трое были добровольцы.

Младший из них, семнадцатилетний Миша Якорев, месяц тому назад жил дома, обедал за столом, спал на кровати и как ребенок сердился, если мать его слишком рано будила. Теперь все это было далеко, он считался самостоятельным человеком и боялся только одного — как бы не оказаться хуже других, не струсить, не отступить, когда наступит решительный час.

И вот он наступил. Неожиданно. Раньше, чем Миша ожидал, здесь, на этом холме, где впереди был сильный враг, а свои были далеко, неизвестно где...

* * *

Прокошин разбудил Мишу. Начинало светать. Часть холма, обращенная к хутору, представляла собой почти полукруг, в середине которого рос довольно густой кустарник; Прокошин и Ковалев замаскировали здесь пулемет. Миша и Виктор заняли края этого полукруга. Получилось так, что все могли видеть друг друга.

Прокошин помог Мише наскрести снегу, чтобы устроить небольшой бруствер, за которым можно было бы укрыть голову. Прокошин пожалел, что у них не было ни одной лопаты, чтобы окопаться как следует, хотя это было бы не так легко сделать в промерзшей земле.

— А ну ложись! — сказал Прокошин. Миша лег, повернулся, укладываясь поудобней и приложив винтовку.

Прокошин отошел, посмотрел, потом подгрел ногами еще немного снегу и оглядел Мишу еще раз, выпростал из-под него неудобно завернувшуюся шинель.

— Вот так оно будет ладно. Да смотри бес-

толку себя не выдавай, не стреляй, — сказал он и пошел к Виктору.

Светало очень медленно. Миша вглядывался в утренний полумрак, и ему казалось, что никогда не станет светло. И хотя день не сулил ничего хорошего, Мише хотелось, чтобы он поскорей пришел.

У него зябли руки и ноги. Счастье, что теперь самое начало зимы и настоящего мороза еще нет, чуть-чуть только ниже нуля, не больше чем два — три градуса, и ветра нет. А будь ветер да еще настоящий мороз, совсем было бы плохо.

Уже видны стали хуторские постройки. Можно было разглядеть и окна в большом доме. Будто скрип раздался оттуда, и снова стало тихо.

Миша вспомнил про собаку, пригревшуюся ночью возле него, и поискал ее глазами. Она лежала рядом с Виктором, и тот гладил ее по спине. Миша приподнялся, чтобы позвать собаку к себе, но тут Прокошин, лежавший у пулемета, стал махать ему рукой, указывая на хутор.

По полю, наклонясь и рассматривая что-то, может быть, следы, шло пять или шесть человек. Потом на поле из хутора вышло еще несколько. Они держались у самого хутора, не отходя далеко. Очевидно, они выясняли направление, в котором ушли ночные гости. Скоро обе группы сошлись и пошли по направлению к оврагам, держась цепью в нескольких шагах друг от друга. Теперь Миша легко мог их сосчитать: их было двенадцать человек...

Они были все еще далеко. Миша протянул вперед руку и, поглядев сначала правым глазом, потом левым на поднятый большой палец, решил, что до них шагов четыреста.

Все еще было тихо, и Миша, хотя он весь дрожал от напряжения и от волнения, совсем забыл о мерзнувших руках и ногах. Он глядел через прорезь прицела на мушку, и ему досадно было, что она дрожала и прыгала, несмотря на то что винтовка лежала на неподвижной опоре, а приклад он крепко прижал к своему плечу.

А между тем белые подходили все ближе и ближе. Вот уже осталось шагов двести. Двести шагов — двести секунд.

«Раз, два, три, четыре... — считал Миша. — Он не успеет сосчитать до двухсот, как начнется... Когда же он должен начать стрелять?» Мушка все прыгала перед его глазом. Он переводил ее с одного человека на дру-

гого, а они все двигались, уже осталось совсем мало до склона холма.

«Уже видны их лица. Он может поймать на мушку и выстрелить. Он наверняка попадет. Цель крупная, гораздо крупнее чем на учебной стрельбе. Но стрелять ему нельзя. А что же пулемет? Неужели испорчен?» — вдруг мелькнуло у него в голове.

Тут у него замерло сердце и горло сдавило от страха. Ему захотелось убежать, уползти, как-нибудь укрыться, зарыться в землю. Он глотнул, чтобы освободить горло.

«Неужели я трус?» — подумал он.

Повернув голову, он увидел, что Прокошин и Ковалев лежат у пулемета.

«Так нет же, вот буду лежать здесь, пока вплотную не подойдут», — подумал Миша.

И вдруг пулемет заработал.

— Так-так-так-так-так-так... — услышал он первую очередь.

«Значит, началось. Какие-то люди упали, какие-то бросились бежать. Что теперь должен делать он, Миша? Главное — лежать и не стрелять, не стрелять, так сказал Прокошин. Это главное, что от него требуется».

А там, на поле, уцелевшие бежали, сломя голову, и Миша боялся, что они уйдут. Он мог бы догнать из своей винтовки двоих, одного во всяком случае. Миша кусал себе губы, чтобы удержаться и не нажать спусковой крючок.

«А может быть, Прокошин позволит», — и Миша посмотрел налево, в сторону пулемета.

— Так-так-так-так-так, — трещал пулемет в руках Ковалева.

Прокошин лежал спиной к Мише и придерживал ленту.

На поле упали еще люди и только один бежал далеко-далеко: он был у самого хутора. У Миши даже лицо скорчилось, так хотелось ему выстрелить, но он опять удержался. Тут он вдруг сообразил, что стреляют и по ним. Не все упавшие были убиты: далекие черные фигурки стреляли по холму.

«Значит, я под обстрелом, — подумал Миша, — вот это да!»

Лежать совсем без движения было страшно. Неизвестно для чего он переставил прицел сначала на шестьсот, потом на двести, потом снова в первоначальное положение. С замирающим сердцем он посмотрел на поле и вдруг увидел, что один из белых целится прямо в него. Миша опустил голову, но выстрела не услышал. Потом опять затрещало и совсем

близко раздался жалобный певучий звук от рикошетной пули.

Все это произошло очень быстро, так что Миша даже не мог сообразить, что было раньше, что позже и когда все кончилось. Миша не мог сказать, сколько белых спаслось, хотя все происходило перед его глазами. Теперь все было тихо. Перед его глазами простиралось до хутора то же белое поле и на нем несколько лежащих ничком фигур.

Что бы ни было дальше, Миша чувствовал, что он выполнил свой долг. Правда, он немножко испугался, особенно когда подумал, что пулемет испорчен, но все-таки он не убежал, ни на шаг не отступил, и пули, должно быть, летели неподалеку, одна даже совсем близко. Все-таки у него есть какая-то воля, ведь удержался и не стрелял, хотя не стрелять, быть может, еще трудней было, чем не убежать. Нет, кажется, все было в порядке.

Немного погодя Прокошин помахал ему рукой, подзывая к себе. Миша отполз немного назад, потом, пригибаясь, перебежал к пулемету. Туда же перебежал и Виктор. Миша посмотрел на товарищей, ожидая увидеть в них какую-нибудь перемену, но Виктор и Прокошин были такими же, как всегда. Ковалев же наклонился над пулеметом, проверяя что-то в замке, и Миша лица его не видел.

— Ну, ребятки,— сказал Прокошин,— чего делать будем дальше, не знаю, только сегодня уж мы продержимся, коли к нам подмога не поспеет... Видать, второго пулемета у них нет, а коли есть, все одно им сегодня нас не взять. И завтра бы не взяли — были бы только патроны. Потратили мы сколько, Ковалев?

— Ну, шестьдесят стратили. Не стоят они тех шестьдесят патронов,—отозвался Ковалев и плонул.

— Так осталось на пулемет четыреста сорок, у Ковалева — тридцать в подсумке, у меня — шестьдесят. У тебя, Витя?

Виктор посмотрел в подсумок. Он расстрелял одну обойму целиком и еще два патрона; осталось у него двадцать три.

«Значит, Виктор все-таки стрелял, и Прокошин ничего ему не сказал»,—мелькнуло в мыслях у Миши.

— Девяносто и двадцать семь — сколько будет? Сто семнадцать, да у тебя...—обратился Прокошин к Мише.

— У меня все целы — тридцать штук,—скромно ответил Миша.

— Не стрелял, значит? — удивленно спросил Прокошин.

Миша почувствовал, что здесь что-то неладно.

— Ты же сказал, не надо,—сказал он неуверенно.

— Так я ж сказал: до времени, пока не узнают, где мы тут схоронились,—стал объяснять Прокошин, и Миша увидел себя самым последним дураком. Лучше б его подстрелил этот белый. Кто может знать, чего стоило не стрелять, а объяснить этого никак нельзя.

— Ну ладно, значит, сто сорок семь. Оно и лучше, бестолку тратить их не надо. Как только удержался?

Миша не знал, что и думать. Он ждал, что скажет Ковалев, но Ковалев даже не обернулся.

Приблудившаяся ночью собака подошла к Мише и ткнула мордой в его шинель, заластилась, замахала хвостом и умильно глядела на него.

— Очень ласковая собака,—сказал Виктор,—вон какое у нее выражение лица.

Он вынул из кармана маленький кусочек хлеба и подзвал собаку к себе. Собака миглом проглотила хлеб.

— Еще просит,—показал Виктор на собаку.—Ну как же не понимает?—он снова полез в карман за хлебом.

— А ты не дури,—неожиданно строго сказал Прокошин.—Кажная крошка на счету, а ты пса кормишь.

Рука Виктора так и осталась в кармане.

— Извини, я не сообразил,—сказал он виновато, а потом виноватыми же глазами посмотрел на собаку.

— Был у нас в деревне дурачок такой, побираться ходил, а что ни набирает, то собакам и скормит. Так и помер с голоду,—уже как всегда добродушно прибавил Прокошин.—Патронов у нас будто бы ничего, а хлеба маловато. Без хлеба туго будет. Сегодня, ребятки, весь не с'ешьте.

— Вот что, хлопцы,—поставив, наконец, замок на место, обернулся к ним Ковалев.—Восемь кадетов на тот свет перекинулись, и остальные там будут, как на нас пойдут. Нам тикать отсюда нет расчета. Только смотрите,

Пуля подбила собаку.

как бы они сами не драпанули в ту сторону, за хутор...

Посидев с полчаса рядом, товарищи решили снова разойтись на свои места. Белые должны были что-нибудь предпринять. Уходя, Миша позвал собаку. Она было побежала за ним, но Виктор только щелкнул языком, и собака убежала к нему.

Пал легкий, мирный снежок. Миша лежал и смотрел, как снежинки мягко ложились кругом и сразу сливались и пропадали в снежной пелене, как они ложились на сукно шинели.

Миша пристально рассматривал тончайший узор какой-нибудь похожей на звездочку снежинки, потом дышал на нее — она таяла и исчезала, ничего не оставив после себя.

Теперь он уже спокойно думал о разных вещах. Он внимательно рассматривал хутор и рассчитывал, откуда они сейчас станут наступать.

«Неужели опять пойдут фронтом от хутора на овраги? Это было бы бессмысленно»,—решил Миша.

Однако белые на хуторе были не меньшими стратегами чем Миша Якорев. Через три часа после первой, так неудачно закончившейся для них вылазки, не получая никакого ответа на выстрелы, они снова решили попытаться прощупать овраги. Они сделали попытку обойти овраги слева. Миша увидел, как группа белых — теперь уже человек двадцать пять — цепочкой пошла влево от хутора. Не отошли они и двадцати шагов, как заработал ковалевский пулемет. Тогда белые сразу легли на землю и стали стрелять по оврагам.

Теперь Миша спокойно лежал за своим снежным окопчиком. Было мало вероятия, что они попадут на таком расстоянии в цель, которую едва различают. Миша прицелился и выстрелил раз, потом другой в одну из черных точек у хутора, и сам почувствовал, что это бесполезный перевод патронов.

Пропустив две очереди, ковалевский пулемет замолчал, потом, когда несколько белых поднялось и попыталось двинуться в том же

направлении, что и прежде, он опять пропустил очередь, и те опять легли.

Собаке, очевидно, надоело лежать неподвижно... Когда застучал пулемет, она с лаем кинулась к нему. Он замолчал, и она, потеряв к нему интерес, остановилась на полдороге, понюхала что-то в снегу, повертелась вокруг себя и побежала по склону вниз. Тут белые снова начали стрелять, и вдруг Миша услышал жалобный визг — пуля подбила собаку. Она пыталась вылезти вверх по склону. Но у нее, очевидно, была перебита задняя часть туловища, и она только беспомощно рыла снег передними лапами и при этом пронзительно визжала. Было невыносимо слышать этот отчаянный визг.

— Ложись, ложись! — закричал Прокошин.

Он кричал Виктору, который встал, должно быть, затем, чтобы спуститься за собакой. На крик Прокошина он только махнул рукой и, неловкий, длинный, неуверенный, пошел по склону. Выстрелы со стороны хутора участились.

— Вертайся, сволочь! — вдруг закричал Ковалев; он поднял винтовку. — Вертайся, а то убью, как собаку!

Но Виктор только остановился, будто хотел что-то объяснить; он так и остался стоять, показывая на собаку, а та все визжала, визжала и все царапала ногами землю.

Тут раздался выстрел — и визг сразу прекратился. Это Ковалев убил собаку.

— Иди! — закричал Прокошин Виктору.

Мише было страшно смотреть на Виктора, стоявшего мишенью на склоне, и он тоже закричал ему и замахал рукой. Но Виктор все стоял, растерянный и непонимающий. Потом, будто очнувшись, он, спотыкаясь через каждые два шага, побежал к себе и лег.

А белым так и не удалось обойти слева. Каждый раз, как они подымались, Ковалев со своим пулеметом снова укладывал их, и, в конце концов, они убрались на хутор.

Потом к Мише пришел Прокошин.

— Ну как, браток? Не скучаешь? — спросил он и похлопал Мишу по спине. — Эх, кабы у нас хлеба было побольше! На такой позиции — тут и против батальона устоишь. А и то скучать не надо.

— Да нет, я не скучаю,—сказал Миша.

Он посмотрел на добродушное небритое лицо Прокошина, и ему вдруг показалось, что он с детства знает и любит его и что этот человек сейчас, может быть, ему роднее всех на свете. Раньше Миша не замечал, что Прокошин старше его не только годами, но опытом и пониманием жизни. И он спросил у Прокошина, тронув его за рукав:

— Прокошин, а как я — ничего?

— Ничего, хорошо,—кинул он головой.—Ясно понятно, как надо. Только вот ты бы к Вите туда перешел.

Миша перебрался к Виктору и лег рядом с ним. Виктор обрадовался его приходу, подвинулся, и они устроились рядом довольно удобно.

— Ты видел? — спросил Виктор.—Я, кажется, опять что-то не то сделал? Она уж очень жалобно визжала.

— Да ладно, чего там,—ответил Миша.

Короткий день уже подходил к концу, когда из хутора во весь опор помчался всадник. Ковалев замешкался у пулемета и не сразу начал стрелять, потом пустил небольшую очередь, но всадник все скакал. Он был далеко, Миша прицелился чуть-чуть впереди цели, выстрелил, но, нажимая спуск, он чувствовал, что промахнется, очень уж было далеко. Он выстрелил еще несколько раз, но безрезультатно.

Пока Миша, ругаясь, выпускал патрон за патроном, Виктор не стрелял. Он только целился. Потом выстрелил — и лошадь упала на передние ноги, потом совсем. От лошади отделился всадник и побежал назад к хутору.

— Хорошо! — крикнул им Прокошин.— Хорошо, Миша... — Миша показал пальцем на Виктора.— Хорошо, Витя, вали дальше, милко...

Король цемента

Весной, когда уже тепло и можно ночевать на открытом воздухе, я всегда вспоминаю работу на постройке бойни и Короля цемента. Я не могу забыть того взгляда, каким он посмотрел на меня в последний раз.

Весной молодой парень начинает думать, что должна же быть где-нибудь работа! Жизнь на одном и том же месте, жизнь на маргарине, картошке и бобах (это у наиболее счастливых) становится невыносимой. Плохо, если молодой человек теряет надежду на то, что где-то ждет его работа, только надо собраться с духом, вскочить в товарный поезд и ехать искать ее. Мир хорош и зелен, солнце ясно, ветер приятен, как губы девушки, и нежен, как шопот любимой. Ехать, передвигаться, чтобы по крайней мере хоть на время остановить медленное гниение — тупое ожидание чего-то, что уж наверняка никогда не сбудется, если человек сидит сложа руки!

И вот тут-то я вспоминаю о работе на постройке бойни, и мысль о Короле цемента невыносимой тяжестью, словно мешок цемента, давит меня. Нет на земле более мертвого груза чем мешок с цементом. Независимо, как вы будете нести его, все равно мешок возьмет над вами верх, мешок придавит вас и замучит. Эта работа похожа на перетаскивание тела толстого мертвеца, с той лишь разницей, что мертвеца легче ухватить. Железнодорожная шпала по сравнению с цементом кажется живой, она даже хочет помочь вам нести ее. Она не давит, не пригибает вас к земле мертвым грузом. Тяжелейшая тачка с кирпичами как-то сама балансирует, ее только трудно сдвинуть с места, потом она катится сама. Цемент — другое дело: он отрывает руки от плеч и заставляет ноги гнуться и дрожать, как у пьяного.

Я никогда не ушел бы так далеко от дома, если б только смог найти хоть какую-нибудь работу в нашем маленьком городке. Но работы не было...

В течение пяти дней ездил я в товарных поездах. У меня кружилась голова, меня поташивало от голода, настроение было паршивое, и я решил уже плюнуть на все и вернуться домой, как выпоротый щенок. Но на шестой день мой товарный поезд поравнялся с каким-то строительством, где звенели лопаты о гравий, где была суета, была работа. Ах, если бы мне посчастливилось! Я спрыгнул с поезда, и десятник нанял меня так быстро, как вы не выговорите «Джек Робинзон»!

Жалованья — 14 центов в час — с трудом хватало на питание, а спать приходилось под звездами или в сарае. Но сараи обычно были переполнены, и я решил, что груда песка — неплохая кушетка. Если человек изнурен, он может спать и на постели из гвоздей, как индусские факиры. Работа землекопа, или, как ее называли рабочие, игра на банджо, не делает человека похожим на принцессу, которая чувствует крохотную горошину сквозь все пуховые перины. Утром, когда я просыпался, мысль о возобновлении работы была так мне противна, что я старался лежать как можно дольше.

Мое первое знакомство с цементом произошло у бетономешалки. На моей обязанности лежало накладывать цемент и гравий в ковш, который через каждые несколько секунд механически поднимался вверх и опрокидывался в ненасытную вращающуюся бочку. Этот ковш был всегда пуст. Не успевал он, казалось, подняться вверх, как уж соскакивал вниз. Я ни на секунду не спускал с него глаз, опа-

саясь, что он ударит и сомнет меня как мокрое полотенце. Не один рабочий был убит этим ковшом.

Я ободрал все ногти. Руки мои стали красными и блестящими. Пот и пыль обжигали тело. Старшие рабочие, проходя мимо, издевались надо мной. Я чертовски устал от всего и к тому же почти голодал. Я был слишком застенчив, чтобы ходить по дворам и попрошайничать.

«Короткая жизнь, да веселая!», «Великая жизнь, если не ослабешь!», «Единственно, что тут требуется, — это сильная спина да слабый мозг», «Тяжело только первые сто лет, а потом привыкаешь» — вот какие замечания сыпались на меня всякий раз, когда приближался кто-либо из рабочих.

В то утро, когда впервые появился Король, у нас была срочная работа: надо было разгрузить вагон цемента. Целую неделю вагон стоял на путях, потому что шли дожди и цементные ямы были полны грязи. Каждый час простоя был убытком для мистера Шульца, подрядчика. Ежеминутно появлялся он у разгружаемого вагона и кричал: «Быстрее, быстрее! Если вагон не будет пуст к трем часам, когда придет паровоз, я рассчитаю вас всех к чертям!»

От этих криков мы не ускоряли темпа, потому что работать быстрее было невозможно. Десятник — Длинный, как прозвали его рабочие, — первый заметил Короля, когда тот появился у вагона. Мы увидели, что Длинный вдруг замер на месте, словно злощастный английский дог.

— Это надолго, ребята! Цемент не оставит вас! Вы будете чувствовать его в вашем кофе и видеть во сне! — закричал появившийся у вагона коренастый кривоногий негр с широкой приятной улыбкой.

— Что ты хочешь, Самбо? — спросил Длинный сердито. — У нас нет времени болтать с тобой!

Длинный был настоящий сын Юга и считал, что негры не должны работать вместе с белыми людьми, даже на такой работе, как наша. Негры существуют для прислуживания у столов, чистки плевательниц или же для работы на полях рядом с другими своими собратьями.

— Работы! Работы! Я хочу работы! Хочу показать этим молокососам, как надо выгружать цемент! Король цемента — вот кто я... Так в Саванне называют меня все — и белые и черные...

— Работы нет, Самбо! Убирайся! — ответил Длинный, и наступила такая тишина, что стало слышно слабое чириканье какой-то птички.

Дело в том, что Длинный обещал нам взять на подмогу человека, если кто-нибудь подвернется.

— Ухожу, ухожу, — проговорил Король цемента; улыбка постепенно исчезала с его лица. — Ухожу!

Мы услышали его удаляющиеся шаги. Мы посмотрели друг на друга. Длинный понял, что мы хотели сказать.

— Ребята, я говорил «человека», а не «обезьяну». Разве у вас нет гордости, что вы хотите работать бок о бок с негром?..

Протестовать было бессмысленно. Мы угрюмо вздохнули и вновь принялись за тяжелые мешки, как вдруг у вагона появился Шулец, рядом с ним был Король цемента.

— Вот вам еще один рабочий. Говорит, что рожден с мешком цемента в руке. Да и мне сдается, что цветному скорее подстать эта работа. Прыгай-ка в вагон, паренек!

Длинный был вне себя.

— А ну-ка, нагрузите его, ребятки! — прошептал он нам. — Мы сделаем так, что ему скоро тошно станет!

Весь день Король цемента без усталости бегал по доскам, ведущим из вагона под навес склада. Он разгрузил цемента вдвое больше любого из нас, и, когда последний мешок был выгружен и показался паровоз, Король цемента был свеж и бодр, как бойцовый петух!

¹ Презрительная кличка негров.

Он выскочил из своей норы с ведром воды и вылил ее в пламя.

Глина приставала к лопатам словно клей. Солнце пекло немилосердно. Работать было тяжело. Вонь от взмыленных лошадей и нашего собственного пота заглушала дикий сладкий запах земли.

В это время мы видели Короля цемента редко.

— Этот черный мерзавец ничего не делает. Запустил свою грязную руку в карман компани по локоть,— говорил про него Длинный.— Не понимаю, почему Шульц покровительствует ему!

Но я знал, что маленький негр работал. Он разгружал вагоны, перетаскивал мешки с цементом в склад, возил тачки с гравием.

Жара усиливалась. Мы все стали тощими, как волки, и такие же злые. У всех нас кожа на ногах и подмышками была так жестоко раздражена, что мы с трудом двигались. Питьевая вода была тепловатая, как помой, все мы страдали желудком и ругались из-за воды целыми днями, но жажда все же гнала нас к бочонку.

Король цемента добровольно принял на себя самую трудную часть моей работы. Он помогал мне накладывать цемент и гравий в ковш. Руки мои ослабли и болели, ноздри были заложены удушающей, едкой цементной пылью, волосы стали жесткими, как проволока. И пока я медленно и безнадежно подымал лопату, чтобы высыпать цемент и гравий в ковш, который не ждал, негр в несколько секунд наполнял ковш доверху.

Как большинству из нас, Королю также негде было жить. Он вырыл себе нору возле железнодорожных путей, чистенько обложил ее стружками и фанерными крышками от ящиков и жил там. Его лачуге завидовали. Остальные рабочие не то слишком устали, не то были недостаточно искусны, чтобы сделать себе такое жилье. И большинство ненавидело маленького негра, перенеся на него все негодование, всю злобу на судьбу: на усталость, ноющие мышцы, изорванную одежду, холодную пищу, купленную в ближайшей бакалейной лавочке, и мертвый сон на песке или в сараях среди тряпья.

Лето кончалось, начались ночные заморозки. Утром мы подымались с наших сырых песчаных постелей заоченелые, угрюмые. И тут же, перед нашими злыми глазами, над хитроумно построенной лачугой негра подымался из железной трубы густой, черный дым.

Спать на воздухе становилось холодно, мы пытались забраться в сарай, но места не хватало. Я был довольно робким мальчишкой, и мне пришлось удовольствоваться кучей песку и несколькими тряпками...

Однажды Король цемента спросил меня, не соглашусь ли я спать в его лачуге: там хватит места для двоих. Я задумался. Я знал: если только это откроется, на меня посыплет град насмешек и преследований. Но становилось все холоднее, я простудился, у меня болело горло, к тому же я устал, как собака... Чтобы разогреться перед сном, я, спотыкаясь, ходил вокруг полузавершенного здания бойни до тех пор, пока ноги не отказывались двигаться... Короче говоря, я согласился ночевать в лачуге Короля, но забирался туда лишь под

Король цемента бросился бежать, вслед ему летели камни.

охраной темноты, чтобы никто не знал, где я прожужу ночи.

Король цемента вставал рано, чтобы приготовить на сложенной из кирпичей печке кофе и маленький хлебец, которые приятно ласкали мой взор, когда я просыпался. Своим завтраком он делился со мной.

...Это случилось через несколько дней после того, как вагон деревянных водопроводных труб, обмазанных смолой, был выгружен возле лачуги Короля цемента. И тогда затаенная злоба Длинного и рабочих разбушевалась в пламя, более жестокое чем то, которое сожгло эти водопроводные трубы. В полдень Король цемента готовил обед в лачуге, и, когда смола начала шипеть, а водопроводные

трубы гореть и трещать, все поняли, что случилось: искра из трубы негра попала на смолу, и начался пожар...

— Ах, чортов павиан! — визжал Длинный, танцую словно обезьяна на шесте. — Я говорил ему! Я знал, что так и случится! Но этот чортов негр плевал на то, что я ему говорил!..

Никто из нас не слышал, чтобы Длинный хоть раз предупредил о грозящей опасности, но было не особенно остроумно спорить с ним по этому поводу...

Король цемента выскочил из своей норы, бросился обратно и вновь появился с ведром воды, которое выплеснул в пламя. Послышался треск, похожий на треск бенгальских огней, горящая смола брызнула по всем направлениям и пылающими ручейками потекла по земле.

— Идиот! — заорал Длинный. — Ты хочешь сделать еще хуже?! Что, в твоей паршивой башке совсем нет мозгов?! Вода только помогает огню!

Он нагнулся, поднял большой камень и со всей силой швырнул его в растерявшегося негра. Кое-кто начал тоже кричать и бросать камни в Короля цемента. Одно мгновение негр стоял, не двигаясь, затем бросился бежать вверх по склону, к железнодорожному путям, защищая лицо пустым ведром. Сильный удар камнем заставил Короля цемента бросить ведро и закрыть словно в агонии. Затем камни начали попадать ему в голову, в лицо... Кровь потекла у него изо рта...

Я не кинул ни единого камня. Но никогда не смогу я забыть взгляда, каким он посмотрел на всех нас перед тем, как скрыться за полотном железной дороги.

Мне кажется, что он смотрел на меня, смотрел с обидой, удивлением и упреком. Он всегда, когда мог, делал рабочим разные услуги и был единственным среди строителей бойни, который не страшил меня и не пытался заставить делать за него работу...

Хоть я и не поднял руки на Короля цемента, я чувствовал себя ужасно. Я был тогда совсем мальчишкой и боялся остальных. Маленький негр был единственным другом, который был у меня там, и он ведь не мог знать, что ни один из камней, брошенных в него, не был кинут тем, с кем он делил свою лачугу и горячую пищу по утрам, когда на улице было холодно и сыро.

Перевод с английского
Юрия Смирнова

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1939 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК И МК ВЛКСМ

СМЕНА

16-й ГОД ИЗДАНИЯ

В «СМЕНЕ» печатаются повести, рассказы и стихи мастеров советской и зарубежной антифашистской литературы. На страницах «Смены» помещаются также лучшие образцы творчества литературной молодежи.

«СМЕНА» в популярной форме знакомит с основами естествознания и исторического материализма. «Смена» печатает серию очерков об историческом прошлом народов СССР. «СМЕНА» систематически знакомит молодежь с героической историей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), рассказывает о выдающихся деятелях революционного движения, печатает биографии замечательных большевиков.

«СМЕНА» отражает на своих страницах труд, учебу и досуг советской молодежи, работу молодых кадров во всех областях социалистического хозяйства и культуры. «Смена» печатает очерки о Красной Армии, о Военно-Воздушном и Военно-Морском Флотах. Со страниц журнала делаются с молодежью своим боевым опытом Герои Советского Союза, лучшие летчики, танкисты, артиллеристы, снайперы и др. «Смена» регулярно помещает географические очерки, публикует дневники участников научных экспедиций, освещает жизнь и работу полярников.

В каждом номере «Смены» консультация по самообразованию, заметки об интересных книгах, рецензии на новые театральные постановки и кинофильмы, новости спорта, шахматный отдел, кроссворды, ребусы, головоломки и др.

Журнал выходит в красочной обложке, на улучшенной бумаге. Иллюстрируют «Смену» лучшие художники и мастера фото.

Подписная цена:

на 3 мес. — 3 руб.; на 6 мес. — 6 руб.; на 12 мес. — 12 руб.

Цена отдельного номера 1 рубль.

Подписка принимается всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), а также отделениями издательства газеты «Правда», письмоносцами, уполномоченными по распространению печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на транспорте.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

ФРУНЗОВЦЫ

В Ленинграде, на берегу Невы, высится здание Военно-морского Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. На всех советских морях и океанах плавают воспитанники училища имени Фрунзе. Можно с уверенностью сказать, что нет такого военного корабля, на котором нельзя было бы встретить командира, выпущенного Краснознаменным училищем.

Здесь воспитывались Герои Советского Союза И. В. Доронин и А. М. Бряндинский, командующий Тихоокеанским флотом Н. Г. Кузнецов и командующий Северным флотом В. П. Дрозд. Воспитанник училища орденоседец Г. И. Левченко командует Краснознаменным Балтийским флотом. Каждый год в училище поступают лучшие сыны партии и комсомола, чтобы через несколько лет, получив звание лейтенанта, прийти на боевые корабли Балтики, Черноморья или Тихого океана.

В декабре Краснознаменное училище имени Фрунзе празднует свое 20-летие. За эти годы училище выпустило много замечательных военных моряков. Для того чтобы стать хорошим командиром-моряком, нужно пройти большую школу, нужно многое узнать, многому научиться. Современный военный корабль, начиная от громадного линкора и кончая маленьким торпедным катером, — это сложный и совершенный механизм, требующий от командира больших знаний военно-морского дела. Училище имени Фрунзе — это военный вуз, куда жадно стремится советская молодежь.

На снимках: сверху — преподаватель капитан 2-го ранга Ф. Ф. Клочанов ведет занятие в артиллерийском кабинете. Отвечает курсант М. Лебединский; внизу — фрунзовцы на летней практике в Петергофе.

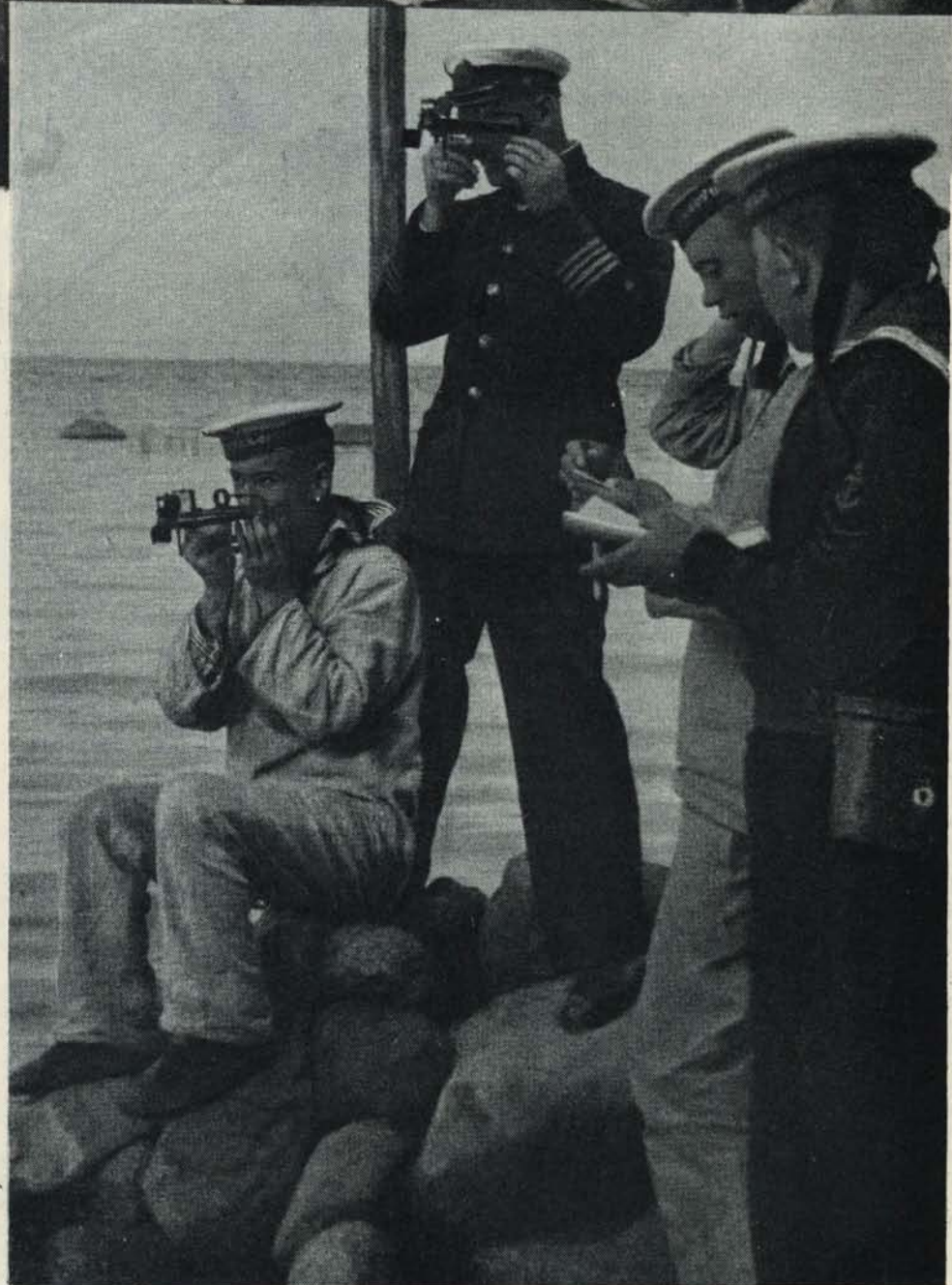

Фото курсанта В. Воронина

О ВОЕННОЙ ТАИНЕ

В годы империалистической войны разведки союзных армий часто получали ценные сведения о планах немцев, используя чрезвычайно широкий обмен радиogramмами в германских войсках. Немцы поплатились за свою радиоболтливость. Однажды (это было в конце октября 1917 года) германские цеппелины потеряли направление в тумане и запросили без шифра по радио Фридрихсгафен, чтобы получить верный курс. Ответ цеппелины получили немедленно, но не из Фридрихсгафена, а из Парижа, от радиостанции Эйфелевой башни. Этот ответ привел цеппелины во Францию. Когда туман рассеялся, немцы увидели, что попали в ловушку, но было уже поздно. Четыре цеппелина были сбиты зенитной артиллерией, два утонули в море, и только одному удалось вернуться на базу во Фридрихсгафен.

Но больше всего правдивых и своевременных сведений, по утверждениям всех участвовавших в мировой войне организаторов различных разведок, давали пленные.

Американцы, например, подсчитали, что из всех 7399 полученных ими верных донесений о противнике на фронтах мировой войны 87% дали пленные, 10% — было получено из захваченных (или перехваченных) документов неприятеля, 6% — из осмотра убитых противника, 1% — из осмотра взятого вражеского снаряжения, и, наконец, из других источников — только 5%.

Начальник немецкой разведки Николай подтверждает, что «некоторые пленные давали прямо-таки классические показания. Так например один захваченный незадолго до битвы на Сомме француз выдал весь план наступления с такими подробностями, что ему не поверили. Точно так же и один английский сержант дал весной 1918 года столь обширные и невероятные для его кругозора показания, что они были оставлены под сомнением и подтвердились лишь позднее. Один из первых пленников-танкистов рассказал немцам самым детальным образом о всей своей деятельности на одном из заводов, изготовлявшем танки, о конструкции этих новых боевых средств и о размерах их производства. Показания были настолько подробными, что по ним оказалось возможным сконструировать модель танка».

Наше социалистическое государство находится в окружении капиталистических стран. Известно, что фашистские разведки засылают к нам своих шпионов. Славная советская разведка разгромила немало вражеских шпионско-диверсантских гнезд. Однако мы ни на минуту не должны ослаблять бдительности. Между тем еще многие советские граждане безалаберно относятся к сохранению известных им государственных секретов.

В трамвае, в поезде, в парке, в театре, в ресторане довольно часто можно услышать разговоры о производственных планах заводов, о новых стройках, о новых моделях и конструкциях, о наших вооружениях и о воинских командировках.

Для буржуазной разведки болтуны и бахвалы представляют не только важный источник информации, но и резерв для вербовки новых шпионских кадров. Некий врач, сотрудничавший в научно-исследовательском институте, по роду своих занятий был осведомлен о выполнявшихся институтом работах оборонного значения. Врач этот любил прихвастнуть своей осведомленностью и часто болтал в компании приятелей об известных ему военных тайнах. Об этом узнал крупный шпион одного иностранного государства. Познакомившись с врачом, шпион принялся льстить ему, прикидываясь пораженным тем, что услышал, и всячески подзадоривал, вызывая на еще большую болтливость. Вскоре шпион располагал многими секретами, выболтанными врачом.

— Вы агент нашей разведки... — сказал шпион врачу. — Попробуйте отрицать! Вот точная запись всего, что я узнал от вас... Если вы не хотите завтра же пойти под суд

за разглашение военных тайн, вы должны выполнять наши задания...

Врач не нашел в себе мужества сообщить в НКВД о наглой проделке шпиона и о своем преступлении. Так, без особого труда, буржуазная разведка превратила болтуна в своего агента.

В кабинетах работников советских учреждений, на стенах, часто можно увидеть таблицы выполнения планов, всевозможные графики, схемы заводов и т. д. Эти «настенные» документы, развешиваемые главным образом для украшения, легко могут помочь шпионам.

Плакат выездной редакции «Комсомольской правды» (ДВК. 1936 год).

В инструкции секретной службы одного фашистского государства, в разделе, где перечисляются профессии, пригодные для вербовки, прямо сказано: «...ценны переписчики, уборщицы, сторожа, машинистки...» Секретарь — машинистка или стенографистка — часто имеет бесконтрольный доступ к секретной переписке.

В одном военном учреждении несколько лет исправно работала стенографистка Ц. Она не вызвала никаких подозрений, пока однажды не заметили, что она уносит с собой свои стенографические записи. Оказалось, что она передавала их шпиону.

Уборщица Л. была довольна неожиданным приработком. «Сборщик утиля» предложил ей платить по пять рублей в день за все бумаги, выбрасываемые в ее учреждении. «Утиль» имел большое значение для осведомления некоей буржуазной разведки. Уборщица, конечно, могла не понять шпионской уловки, но работникам учреждения следовало уничтожать, а не выбрасывать в корзины черновики важных документов и листы использованной копировальной бумаги.

Быть бдительным — это значит не только уметь разоблачить замаскировавшегося врага, но и уметь закрыть все щели, через которые может проникнуть иностранный разведчик.

Вот, например, невинный на первый взгляд «Сборник упражнений по стилистике», выпущенный Учпедгизом в 1936 году. В этом учебнике содержались такие «упражнения»: «26. Написать сочинение (описание) в деловом тоне: «Завод, на котором работает мой отец (брат, мать)», ответив на вопросы:

Где находится? Величина (в сравнении, например, с другим заводом, лежащим в этом же районе)? Кем был основан и когда? Какие пути ведут к заводу (есть ли железнодорожная ветка, проходит ли поблизости от завода трамвай)? Какой силы машины и какие двигатели (паровой, газовый, электрический и т. д.)? Каким пользуется топливом? Какое сырье перерабатывает? Что завод производит? Куда идет продукт (в город, деревню)? Сколько рабочих на заводе? и т. д.»

Располагая таким «учебником», шпиону остается только заняться «преподаванием» стилистики.

В один из воинских лагерей повадился ходить дети ближайшего села. Бойцы гостеприимно встречали их, и ребята бродили, где хотели. Однажды младший командир заметил, как мальчик прячет за пазуху подобранный газету — многотиражку. Оказалось, что какая-то «тетя» в селе платила по полтиннику за каждый номер газеты. «Тетей» заинтересовались и выяснили, что эта шпионка давно уже собирала сведения о лагерях, добывая через детей номера газет-многотиражек.

В воинские лагеря нельзя допускать посторонних. А прочитанные номера армейских многотиражек не следует бросать где попало. И вообще ничего не следует разбрасывать.

Каждый понимает, какую огромную ценность представляют для агента буржуазных разведок личные документы советского гражданина. Особенное значение в нашей стране имеет партийный билет. Именно партийный билет открывал доступ троцкистско-бухаринским шпионам во все наши учреждения. Секретные агенты капиталистических стран скупают за большие деньги похищенные ворами советские паспорта, профсоюзные и комсомольские билеты, воинские билеты, пропуска на предприятия и в учреждения, мандаты членов советов, исполкомов и в особенности партийные билеты. Фашистские разведки перебрасывают на советскую территорию диверсантов со специальным заданием — добыть ограблением советских граждан их личные документы. Такие диверсанты, чтобы выполнить свою задачу, не останавливаются даже перед убийством.

А растяпы помогают фашистским тайным агентам получить советские документы.

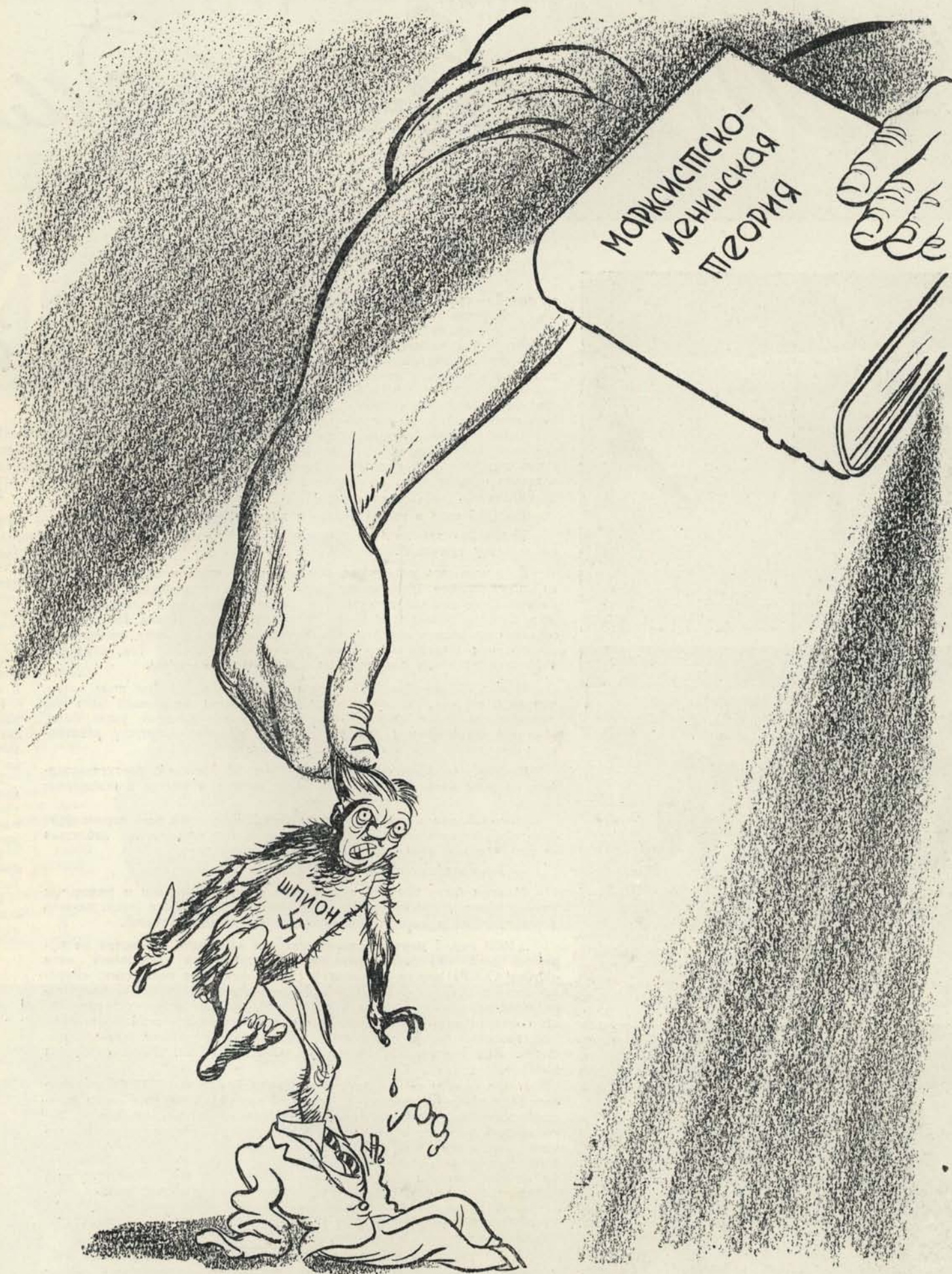
В наших комиссионных и мебельных магазинах, например, был до недавнего времени установлен такой порядок. Около магазинов стояли носильщики, готовые доставить приобретенную мебель на дом покупателю. Они не были штатными рабочими магазинов и для гарантии сохранности покупки вручали покупателю любой из своих документов — паспорт, профсоюзный билет и т. д. Агенту буржуазной разведки незачем было убивать, не нужно было грабить, не надо было тратить больших денег. Достаточно было приобрести за 25 рублей пару стульев, чтобы получить в залог настоящий паспорт советского рабочего. Сообщив носильщику первый пришедший в голову адрес для доставки покупки, шпион мог спокойно удалиться.

Личные документы нужно беречь как зеницу ока. Советский гражданин, потерявший свои личные документы, дает тем самым пропуск агенту разведки капиталистического государства.

Проявляя беспечность, благодушие и политическую близорукость, мы оставляем возможность тайным врагам нашей родины совершать их черные дела. «Но неужели, — говорил товарищ Сталин о нашей политической беспечности, — мы не сумеем разделиться с этой смешной и идиотской болельню, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?»

У нас нет основания сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему...»

Вооружаясь марксистско-ленинской теорией,

будем успешнее бороться с врагами нашей родины.

Мы

выходим

Заслуженный мастер спорта В. ПРОКОФЬЕВА

Хоккей — самая увлекательная и красивая зимняя спортивная игра.

По внешнему рисунку, по тактике, даже по приемам она во многом напоминает футбол: та же расстановка игроков, та же распределение ролей в команде, наконец, та же конечная цель — вбить мяч в ворота противника. Но принцип футбола заключается в том, чтобы играть мяч ногой, а принцип хоккея требует игры рукой. Футбол — игра на траве, а хоккей — на льду. Для того чтобы стать сильным хоккеистом, нужно хорошо бегать на коньках и в совершенстве владеть клюшкой. Быстрота и стремительность — основной закон хоккея. Это накладывает определенный отпечаток на стиль игры: нужно молниеносно реагировать на каждое движение, уметь внезапно остановиться, правильно и точно послать мяч.

Хоккей — замечательная игра!

До 1925 года в нашей стране в хоккей играли только мужчины.

Несколько девушек-спортсменок клуба Красной Пресни решили сломать эту традицию.

Вооружившись клюшками, они стали все чаще и чаще появляться на льду бывших Патриарших прудов. Здесь и зародился женский хоккей. В те дни мы, по существу, только привыкали к клюшке и учились бить по маленькому мячу. Это была трудная задача. Но девушки серьезно увлеклись новой игрой. Вскоре нашему примеру последовали спортсменки Центрального дома физической культуры. Так, стихийно, в Москве родились два женских хоккейных коллектива.

И вот 25 декабря 1925 года на маленьком ледяном поле катка, что на Петровке, 26, по свистку судьи вышли на первый матч две женские хоккейные команды. Одеты мы были в длинные узкие юбки, явно стеснявшие наши движения, бегали медленно, попусту размахивали клюшками, много толкались, кричали.

Видимо, это было смешным зрелищем. 50 зрителей, присутствовавших на этом матче, не скрывали своей иронии, а иногда и искреннего смеха.

Молодой еще тогда хоккеист, а теперь известный всей стране футболист-орденоносец Андрей Старостин долго и внимательно наблюдал за нашей игрой, а затем не выдержал и сказал:

— Комедия на льду!

Многим было смешно, а нам матч очень понравился и увлек нас по-настоящему. Эту первую игру на Петровке, 26, можно смело назвать игрой, которая положила начало женскому хоккею в стране.

... 1938 год. 1 марта. Красавец-стадион «Динамо». Несмотря на морозный день — 40 тысяч зрителей! Разыгрывается финальный матч «Кубка СССР» между лучшими в стране женскими командами: «Буревестник» и «Спартак». Наша команда, рожденная на льду бывших Патриарших прудов, превратилась в сильный, крепкий коллектив спортивного общества «Буревестник». Все девушки одеты в темносиние брюки, свободные блузы с эмблемой буревестника на груди, в синие шапочки. Лед зеркальный. Волнуемся. Свисток судьи. Финальный матч начался.

В эту минуту мне, капитану сильнейшей команды СССР, невольно вспомнился первый наш матч. Теперь в нашей стране уже сотни женских хоккейных команд. В одной Москве насчитывается больше 200 команд. Больше сотни команд — в Ленинграде, десятки женских команд — в городе Калинин, Архангельске, Свердловске, городе Куйбышеве, Челябинске, Новосибирске, Харькове, городе Горьком, Смоленске, во всех северных городах страны. Хоккей стал любимейшим спортом девушек. Мы уже встречались во многих междугородних матчах, участвовали в розыгрыше первенства Москвы и первенства ВЦСПС. В 1937 году играли на «Кубок СССР», и наша команда завоевала этот «Кубок» в год его учреждения.

И вот теперь, в нынешнем году, мы одержали победу над хоккеистками «Локомотива», «Динамо» (Москва) и калининского «Дзержинца» и вышли в финал против сильной команды «Спартака».

...Игра началась. Мяч мелькает на блестящей поверхности гладкого поля, лед буквально поет под коньками.

Но

Вслушайтесь ко
миллионы звуков,
рами клюшек и с
ная музыка!

Мяч скользит к
— Давай, давай!

Рвемся вперед.
удар по воротам.
зарева спасает на

Мы снова рину
ния — Клавдия П
чи, мы стремите
снова Лазарева бе

Однако чувству
дружной, сплочен
связаны с защитой
дене чаще получ
и все чаще угро

И вот в один м
нашего нападения
леким ударом в с
мяч! Счет 1 : 0 —
не отдадим.

После перерыва
ществе «Буревест
тоша Маслова, К
щью крайних напа
комбинаций.

Снова красивый
крайней линии. М
Бью. Гол! 2 : 0.

Ну теперь поб
сколько растеряли
должаем нападени
До конца остал

Хоккеистка
К. Прокофьева
(вратарь).

← Эпизоды борьбы на ледяном поле.

ЛЕД

...ибудь в музыку хоккея, в
даемых льдом и сталью, уда-
скими свистками. Замечатель-

отам «Спартака».

...иеносная передача. Сильный
к — и вратарь «Спартака» Ла-
противников от верного гола.
в атаку. Наш центр нападе-
ьева — прекрасно раздает мя-
летим к воротам, бьем — и
рудные мячи. Хорошо играет!
что наша команда играет
изобретательней. Мы хорошо
узащитой, поэтому наше напа-
ячи, чаще переходит в атаку
Лазаревой.

...их моментов левый крайний
дя Багрецова — сильным, да-
угол ворот вбивает первый
ло победы. Думаю, «Кубок»

...проходит при явном преиму-
Наша центровая тройка: Ка-
и Прокофьева и я — с помо-
их проводит ряд интересных

Нади Багрецовой с самой
дет прямо на мою клюшку.

...беспечена. «Спартакочки» не-
мы уверенно и смело про-
сколько минут. Наша защита

Капитан женской хоккейной команды В. Прокофьева с «Кубком СССР».

...анда спортивного общества «Буревестник» (слева направо): В. Прокофьева (левый средний нападения), Н. Багрецова (левый крайний),
(центр нападения), А. Платонова (левый защитник), А. Седова (левый полузащитник), Е. Емельянова (центр полузащиты), М. Горшкова
Артемкина (правый полузащитник), Е. Маслова (правый средний нападения), А. Соколова (правый защитник).

прекрасно справляется со своей задачей. Мы уверены, что в наши ворота не пройдет ни один мяч. В последние минуты к воротам «Спартака» вырываются Надя Багрецова и Катюша Маслова, но Лазарева берет все мячи.

Свисток. Конец. «Буревестник» снова завоевал почетный «Кубок страны». Стадион гудит... Мы выстроились в центре ледяного поля. Вокруг нас десятки фотографов. Меня поздравляют мой отец и мой сын. Затем мы выслушиваем приветственную речь и получаем «Кубок», который стал для нас бесконечно дорогим.

* * *

Мы очень гордимся, что нам удалось создать крепкий, сплоченный коллектив хоккеистов — лучшую команду страны. Чему мы обязаны своими успехами?

Прежде всего — это дружба. Настоящая, товарищеская, большая дружба, чуткое отношение друг к другу. Именно на этой основе у нас укоренились твердая дисциплина, аккуратность, строгий режим.

Второе — это серьезное отношение к тренировке: регулярное занятие гимнастикой, работа с клюшкой и мячом, разбор тактических задач, учебные игры два раза в шестидневку.

Все наши игроки летом обязательно занимаются спортом: теннис, волейбол, гребля, легкая атлетика, мотоцикл, плавание, гимнастика. Без этого трудно провести зимний хоккейный сезон, трудно выиграть «Кубок».

Хочется рассказать еще об отдельных игроках нашей команды.

Вратарь — комсомолка Маша Горшкова, секретарь спортклуба общества «Буревестник». Это верный защитник наших ворот. Играет она смело, решительно, уверенно.

Во всех играх нынешнего года — а их было немало — Маша не пропустила ни одного мяча и получила кличку «сухого вратаря». Маша — капитан команды баскетболисток «Буревестника», выигравшей в этом году «Кубок ВЦСПС».

Правый защитник — Нюша Соколова — экономист фабрики Москвошвей. Прекрасный игрок, быстро бегают, отлично владеет клюшкой. Нюша Соколова — лучший защитник Москвы. Два месяца назад мы поздравляли Нюшу с рождением сына, сейчас она отдыхает и к сезону снова станет в ряды команды.

Левый защитник — комсомолка Валя Юдина — игрок сборной Моск-

вы, верный страж наших ворот — хорошо отбирает мяч, прекрасно держится на коньках.

Центр полузащиты — небольшая, коренастая, плотная комсомолка Лиза Емельянова — экономист управления Мосторга. Лиза — гроза для нападения противника. Немногим хоккеистам удастся пройти мимо клюшки Емельяновой. Лиза — законченный игрок с хорошей реакцией на мяч, напористостью, страстью. Летом Емельянова успешно выступала в легкоатлетических соревнованиях.

Крайние полузащитники — бухгалтеры Ася Седова и Оля Артемкина. Обе они хорошо держат крайних нападающих противника и отлично подыгрывают своему нападению. Ася — игрок сборной Москвы, к тому же прекрасная баскетболистка. Оля — лучшая у нас... рукодельница. Впрочем, рукоделием занимаются у нас почти все и занимаются успешно.

Центр нападения — Клавдия Прокофьева — секретарь дирекции стадиона «Буревестник». Клавдия, сестра известных футболистов братьев Старостинных, — прекрасный игрок нападения, умеющая точно распределять мячи и сильно бить по воротам.

Клавдия Прокофьева — хорошая теннисистка. В этом году она выиграла всесоюзное теннисное первенство общества «Буревестник».

Правый средний нападения — Катюша Маслова — быстрый, техничный, очень ценный игрок нашего нападения.

Я капитан команды — левый средний нападения.

В нашей команде есть еще замечательные хоккеистки: Надя Багрецова, Аня Платонова, Катюша Левина, Тамара Требоганова, Нина Лебедева, Зина Петрухина, Женя Михайлова. Все они настоящие спортсменки, страстно любящие хоккей, свое спортивное общество, свой коллектив.

Работая над спортивной техникой, над повышением класса игры, мы регулярно проводим политзанятия, сдаем нормы по комплексу «Готов к труду и обороне» второй, повышенной ступени. Все мы получили значки ворошиловского стрелка.

Сейчас наступил 15-й хоккейный сезон женских команд.

Пятнадцать лет назад нас была небольшая группа девушек-хоккеисток. Мы выросли в большую физкультурную армию выносливых, крепких девушек-хоккеисток, закаляющих свое здоровье, воспитывающих в себе волю к победе, упорство, настойчивость, готовых к труду и обороне нашей счастливой родины.

С. М. Киров — друг советской молодежи.

С картины худ. Н. И. Дормидонтова.

«ЧАСТНОЕ ДЕЛО»

Завод у нас огромный, одной только молодежи 12 тысяч. Но когда живешь в коллективе не год и не два, когда сама здесь выросла, то тебе знаком и близок каждый человек. Комсомольский руководитель я молодой, но я 8 лет работала в цеху. Комсомольскую работу начинала с маленьких поручений, потом была комсоргом, в апреле меня выбрали секретарем всей заводской организации. Что скрывать, в первое время я боялась растеряться. Как-то по-новому взглянула на все вокруг. Раньше сама за себя отвечала, а тут тысячи людей, и у каждого свое: свои мысли, свои запросы.

На нашем заводе работает много девушек, а у девушек вопросы личные, вопросы быта играют особенно большую роль. Может быть, поэтому мне и пришлось с первых же шагов столкнуться с этими жгучими вопросами вплотную.

Когда я прихожу на завод ранним утром, меня уже обычно ждут посетители. Не успеваешь сесть, как тебя окружают люди, и так уже без передышки до вечера.

Однажды утром я заметила среди товарищей, ожидавших меня, незнакомого паренька. Он оказался рабочим соседнего большого завода. Его привело ко мне личное дело.

— Не могу поладить с сестрой,— сказал он.— Хоть вы мне помогите...

Теперь в его чертах я смутно угадала что-то знакомое.

— Вы брат Галины?

— Да, к сожалению, это так,— ответил он хмуро.

С Галиной нам пришлось много повозиться. Это была хорошо развитая девушка, отзывчивая, любознательная. Но по временам она преобразалась, будто подменял ее кто-то. Много раз я говорила с ней по душам. Из немногословных ее рассказов удалось выяснить, что с мужем у нее жизнь не ладится. Но кто ее муж, мы так и не могли узнать...

Теперь у меня сидел ее брат. Накануне комсорг цеха, где работает Галина, побывал у нее дома. В неуютной, запущенной комнате пахло водкой. Лицо Галины было в синяках.

— Он бьет тебя? — спросил комсорг.

— А тебе что? Чего вы суетесь не в свои дела? — сквозь слезы ответила Галина.

Брат Галины рассказал мне, что живут они с сестрой в одной комнате. Муж Галины является иногда. Парень часто меняет работу, порой совсем не работает. Парень пьет, случается, поднимает на жену руку. В последний раз брат поспорил с сестрой и пригрозил, что пойдет в комитет комсомола. Тогда, в пылу спора, Галина сказала, что порвала с комсомолом и билет выбросила — ей теперь ничего не страшно.

— Надо отбить ее от этого негодного человека, летуна и пьяницы,— твердил брат Галины.

Да я и сама прекрасно понимала, что это единственный путь спасти девушку.

«Может быть, это враг,— думала я,— может быть, он специально разлагает наших комсомолок? Надо оторвать Галину от этого человека». И в ту же минуту я подумала, какую огромную ответственность мы берем на себя. Передо мною открылся уголок жизни, куда мы так редко заглядываем. Виданное ли это дело, чтобы комсомольская организация разлучала девушку с парнем, мужа с женой?

На следующий день Галя пришла ко мне. Разговаривая с ней, я спросила: «А с комсомольским билетом у тебя все в порядке?»

Галина испуганно посмотрела на меня и сказала запинаясь:

— Потеряла я его. В Стрельне была на гулянье и потеряла...

— Так чего же ты молчала? — крикнула я не сдержавшись.— Может быть, твоим билетом воспользовался враг? Может быть, твой муж украл у тебя билет, чтобы оторвать тебя от организации?

Когда Галина ушла, я подумала, что такие вот девушки, потерпев неудачу в личной жизни, часто гаснут, отходят от комсомола, замыкаются в свою скорлупу. Как часто далеко в глубинах быта надо искать объяснений тому, что вдруг активная комсомолка на все махнула рукой. А многие комсомольские руководители начинают бить тревогу только тогда, когда комсомолка перестает платить членские взносы и посещать собрания.

* * *

Комсомольские организации Ленинграда заинтересовались как-то танцевальной площадкой Госнардома. Ежедневно там собиралось около тысячи человек. Почти все посетители знали друг друга. Они бывали здесь каждый день. Разнузданность, хамство, «свои законы» царили здесь. На площадке орудовал враг народа — директор этого заведения.

Враги нащупывают у нас самые слабые места. Враг знает, что мы зачастую плохо организуем отдых молодежи, и пользуется этим. Одна наша комсомолка, хорошая спортсменка, красивая девушка, часто рассказывала своим подругам, что за ней ухаживает один крупный работник. Он водил ее по ресторанам, дарил красивые вещи. Впоследствии оказалось, что это враг народа. Он старательно заводил знакомство с девушками, работающими на заводах.

Комсомолки должны быть там, где веселится наша молодежь. Говорится об этом много. Но ведь до сегодняшнего дня редко когда увидишь комсомольских руководителей на вечерах, в саду, на праздничном гулянье.

Работала у нас на заводе Аня С. Несколько лет назад она пришла на «Красный треугольник» из трудовой колонии. Мы ее ни о чем

не расспрашивали. Внешний облик, разговор, жесты очень красноречиво говорили о ее прошлом. Взяли комсомолки девушку под свое влияние. Поставили на хорошую работу. Девушка бросила не только пить, но и курить. Стала хорошей ударницей. Два года назад вступила в комсомол. Но за последнее время я стала замечать что-то неладное: Аня ходит с заплаканными глазами, молчит, грустит.

Спрашиваю ее: «В чем дело, Аня? Что случилось?» И вот что рассказала мне Аня С.:

— Все шло хорошо, сама знаешь. Совсем бросила я старые привычки. Растеряла старую компанию. И вот возвращаюсь как-то вечером с занятий из школы среднего образования и вдруг на Таракановке подбегают ко мне двое ребят.

— Ты, что же это, в комсомол вступила? Старых друзей знать не хочешь?

Я от них, они за мной. Схватили, тянут портфель (а в портфеле у меня комсомольский билет), начали меня бить. Я вцепилась зубами в портфель, лишь бы билет спасти. Еле вырвалась. И вот с тех пор, куда бы я ни шла, за мной следуют трое: двое ребят и одна девушка. Они поджидают меня у заводских ворот, у дверей клуба. Все уговаривают: «Возвращайся к нам, воровать не заставим! Поедем на юг. Пора золотая».

И, понимаешь, тянет меня. Чувствую, что тянет! Не знаю, совладаю ли с собой. Не оставляйте меня одну!

Прикрепили мы к Ане комсомолку, подругу. Девушки ходят вместе. Этот случай заставил нас крепко призадуматься. Какое сложное и кропотливое дело — воспитание человека.

К нам часто обращаются родители за помощью. Пришел к нам рабочий нашего завода и рассказал, что его дочь бывает в каких-то подозрительных местах. «Возьмите ее на свою сторону», — просил отец.

Плохо, что нам должны напоминать родители о наших обязанностях.

Шесть лет работает на «Красном треугольнике» Тамара. Мать ее — одна из лучших наших стахановок. Дочь работала плохо. Мы заинтересовались этим противоречием. Оказывается, плохая компания мешала жить и расти Тамаре. Мы занялись девушкой, приняли ее в комсомол. Теперь Тамара — лучшая бригадирша.

Пройдите по цехам. Прислушайтесь к разговорам молодежи. Как еще засорен язык «блатными» словечками! Это верный признак, что хулиганы засылают к нашей молодежи своих лазутчиков. Хулиганское влияние мы замечаем и на тех группах подростков, которые приходят к нам на завод из детских домов, из школ.

Три года назад поступила на «Красный треугольник» в цех ширпотреба одна девушка, Клава. Я тогда работала в этом цехе клей-

щицей. Клава с некоторой гордостью заявляла: «Я маруха» (так называют хулиганы своих подруг).

Вечером я приводила Клаву к себе домой. Она видела, как я живу, учусь и воспитываю младшего брата. Брала я Клаву и в гости, к знакомым. Не раз приходилось мне краснеть за ее выходки, но я видела, что девушка приглядывается ко мне, берет с меня пример.

Когда меня выбрали секретарем цеховой организации, я стала освобождаться позднее, но Клава так привыкла уходить со мной, что оставалась на заводе. Дала ей как-то одно общественное задание, потом другое. Через полгода Клава так втянулась в общественную жизнь, что мы предложили ей вступить в комсомол. Девушка колебалась: а вдруг к старому потянет?

— Я верю тебе. Даю рекомендацию. Знаю, что не подведешь,— сказала я ей.

Сейчас комсомолка Клава — лучшая стажерка, инспектор по охране труда молодежи.

Вопросы быта требуют кропотливой повседневной работы всего комсомольского актива. Многие комсомольцы за последнее время даже разучились распознавать хулиганов. По их мнению, хулиган должен быть обязательно парнем с коком, спадающим на левый глаз, неряшливо одетым, с финкой в руке. Изменился облик хулигана! Враг одет по последней моде. У него галантное обращение. Он красиво танцует, красно говорит. Он умеет нравиться девушкам. Но копнешь такого человека, и вскрывается его звериное, враждебное нутро.

IV пленум ЦК ВЛКСМ потребовал от нас научить комсомольский актив умело, по-большевистски разбираться в людях, улучшить качество воспитательной работы, активизировать комсомольцев, вовлечь их в общественно-политическую работу. Для того чтобы осуществить эти большие задачи, нужно всегда помнить, что быт, личная жизнь влияют на общественную активность молодежи, что быт неотделим от политики.

IV пленум ЦК комсомола постановил: «Осудить небольшевистское терпимое отношение со стороны работников комсомола к явлениям бытового разложения, как недостойное для советской молодежи и тем более активных работников комсомола. Осудить, как небольшевистскую, распространенную среди актива точку зрения, что быт, пьянки, разгул — это личное, частное дело. Внедрить в сознание каждого комсомольца понимание того, что быт неотделим от политики, что моральное разложение ведет к гибели комсомольца, как политического и общественного работника, и что моральная чистота работников является надежной гарантией от политического разложения.

Долг и обязанность каждого комсомольца и комсомольского активиста — вести решительную борьбу с пьянками и бытовым разложением».

Враги, пробравшиеся к руководству ЦК ВЛКСМ, обманывая партию и комсомол, голосовали за эти решения, но сами постарались сделать все, для того чтобы свести боевую программу работы комсомола на-нет. Враги культивировали пьянки, семейственность, бытовое разложение.

Со времени IV пленума ЦК ВЛКСМ прошло больше года, а бытом попрежнему комсомольские организации не интересовались. Бесплезно было обращаться за советами и помощью по бытовым вопросам и в ЦК и в ленинградский обком.

В обкоме имелся специальный работник, который должен был заниматься девушками и их бытом. Но этот работник ни разу не побывал на таком крупном предприятии, как «Красный треугольник». Все что нам удавалось добиться, делалось ощупью, по нашей инициативе.

Занятые текущей комсомольской работой, мы не всегда умеем политически оценивать факты, делать нужные обобщения. А ведь если бы мы, комсомольцы-активисты «Красного треугольника», были бы бдительнее, если бы наш теоретический уровень был выше, мы смогли бы и раньше почувствовать, дать политическую оценку многим фактам антипартийной деятельности врагов, пробравшихся к руководству ЦК ВЛКСМ.

Товарищ Жданов в своей речи, переходя к недостаткам в комсомольской работе, прежде всего начал с вопросов быта.

«Что касается особой специфики приемов вражеской работы в комсомоле,— сказал товарищ Жданов,— необходимо указать, что враги народа нащупали одно из наиболее слабых мест комсомола — быт, объявляя быт «частным делом».

Большевистская партия показала нам, как надо осмысливать факты, делать необходимые выводы.

В словах товарища Жданова я находила все новые и новые подтверждения своим мыслям. Товарищ Жданов говорил:

«Комсомольский актив еще теснее должен связаться с массами молодежи. Комсомольский актив не должен свой быт строить на отшибе от массы, как это бывало до сих пор, когда активисты обособлялись в быту от жизни масс молодежи, жили вроде как на хуторах».

На перевыборных собраниях наши комсомольцы, выбирая комсогов, прежде всего требовали от них умения строить свой быт вместе с комсомольцами. Комсомольцы выбирали таких товарищей, которые умеют интересоваться «частными делами» молодежи, умеют бороться с врагами и вражеским охвостом.

Я была участницей VII пленума ЦК ВЛКСМ. Я слышала доклад товарища Шкирятова. Передо мной раскрылась вражеская деятельность бывших руководителей ЦК ВЛКСМ. Участвуя в работах VII пленума, я глубоко поняла, что враги народа и их пособники в комсомоле пытались увести нас в сторону от самых острых вопросов комсомольской жизни, от идейно-политической работы, от вопросов быта.

Моя работа депутата Верховного Совета РСФСР научила меня мыслить не только масштабами своего предприятия. Я знаю, что «частные дела», которыми занимались мы на «Красном треугольнике», надели во многих комсомольских организациях. Еще далеко не везде вопросы быта, личной жизни молодежи заняли подобающее место в комсомольской работе. Мне хотелось бы, чтобы все комсомольские активисты, познакомившись с опытом нашей работы, поняли, что «частных дел» в комсомоле не существует.

Вооруженная решениями VII пленума ЦК ВЛКСМ, наша комсомольская организация будет вести борьбу за каждого человека, вникать в жизнь каждого комсомольца и комсомолки, осуществляя указания нашей большевистской партии, нашего учителя и отца товарища Сталина.

Баллада о дружбе

Посвящается Герою Советского Союза
Э. Т. Кренкелю

Без марок, без штемпеля,
Без года и числа
На квартиру Кренкеля
Весточка пришла.

Пробежал по строчкам,
Прочитал опять
Тире... тире... точка,
Как же не узнать.

Вспомнил: вьюга... ветер...
Радиосигнал.
Позывные эти
Он давно слышал.

Он всегда в эфире
Находил его,
В необъятном мире
Кольку своего.

Этот друг безусый
Семь ночей не спал,
Это он «Челюскина»
Первым услышал.

Где только на свете
Кренкель ни бывал,
Позывные эти
Он всегда слышал...

А на полюс вылетев,
Потерял его,
Радиолобителя
Кольку своего.

На холодной льдине
В беспросветной мгле
Вспоминал о друге
На Большой земле.

Ночью раз в эфире
Он его поймал,
Из своей квартиры
Друг передавал:

— Как вас только снимут,
Выеду в Москву.
И твоим я именем
Сына назову...

Без марок, без штемпеля,
Без года и числа
На квартиру Кренкеля
Весточка пришла.

Было в ней написано
Скупое восемь строк.
Написать так искренно
Только близкий мог:

«Я хотел бы встретиться,
Но дела не ждут,
Только в мае месяце
Отпуск мне дают.

Сына твоим именем
Я б назвать не прочь,
Только вместо сына
Родилась дочь».

Никогда их дружбы
Не порвется нить,
И не смогут стужи
Дружбу остудить.

ГЕОРГИЙ РУБЛЕВ

Облака табачного дыма плавают под потолком. На длинных скамьях вдоль стен сидят молодые люди.

ЗА КОМПАНИЮ

ЕВГ. БОСНЯЦКИЙ

На торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 20-летию Ленинско-Сталинского комсомола, тов. Жданов говорил, что враги народа в комсомоле «пытались сворачивать кадры комсомола путем морального разложения, — пьянки, собутыльничество, «приятельские» отношения, — все это было пушено врагами в ход для того, чтобы, разлагая комсомольцев морально, разложить их и политически...»

Под боком комсомольских организаций Челябинска чуждые люди вроде Бутлерова морально разлагают молодежь. Рюмка водки и бильярдный кий ловко использованы врагами для того, чтобы политически разоружить молодых людей. Враг использует бесхарактерность и неустойчивость таких комсомольцев, как Глебов.

Вопросы, поднятые в очерке, имеют значение не только для молодежи Челябинска: Бутлеровых и Глебовых можно встретить и в других городах.

В основу очерка положены факты, собранные автором в Челябинске. Имена героев изменены.

Итак, опять вечер и опять, как вчера, дождь. Впрочем, дождь со снегом. Неутешительное разнообразие. Глинистая грязь чавкает под ногами. На центральной улице, там, где растут маленькие деревья, ярко освещены окна двух домов. Справа — клуб, слева — ресторан. Куда мы пойдем сегодня, как проведем вечер?

— Пойдем в кино, — предлагает Маруся Нежина.

— Я вчера была в кино, — говорит Таня Селиверстова.

Ветер качает фонари, и тоненькие деревца гнутся почти до самой земли. Последние бурые листья падают в грязь.

— Ну так как же, девушки? — Владимир Бутлеров поднял ворот пальто. Руки без перчаток он спрягал подмышку девушкам. — Дунем в рестораню?

Федя Глебов усиленно моргает одним глазом. Но Бутлеров не понимает или не хочет понимать сигналов друга. А мокрый снег все идет. Останавливается трамвай, выбегает вожатый с тряпкой и вытирает стекло.

— Может быть, поедem в город? В театр?

Федя отлично знает, что ничего с театром не получится, что билеты надо покупать заранее, но даже если бы можно было случайно достать билеты, Владимир все равно бы не согласился: Владимир равнодушен к театру.

Кондуктор дает звонок отправления, вожатый занимает свое место, трамвай трогается, а компания все еще стоит.

— Ну, вы как хотите, — говорит Таня, — а я в клуб. Идем, Муся.

Девушки отделиваются от ребят, у двери клуба они останавливаются и кричат:

— Идите сюда!

Бутлеров резко отворачивается.

— Подумаешь, — говорит он громко, но так, что его слышит только Глебов. — Не хотят и не надо. Других найдем!

Преувеличенно большими шагами он идет в сторону ресторана. Назад он не смотрит. Он уверен, что Федя следует за ним. Он вообще очень самоуверен, этот Владимир Бутлеров. «Настоящий мужчина». Широкие плечи, крепкие мышцы и за словом тоже в карман не полезет. Такие нравятся девушкам, и в мужской компании он тоже умеет себя поставить...

А Федя Глебов — тот всегда как-то нерешителен — что ему делать? Куда и с кем пойти? Что хорошо и что плохо? Вот и сейчас он дольше всех задержался в раздумье посредине улицы: «Таня может обидеться... Впрочем, действительно, чего она воображает? Не хочет и не надо», — и Федя, осторожно выбирая сухие места между лужами, идет за Владимиром. В гардеробе, снимая пальто, он думает, что если так, чорт возьми, каждый день, то до полочки не дотянешь... Следовало бы отказаться. Следовало бы... но, что еще следовало бы, Федя так и не успевает придумать. Он слышит стук бильярдных шаров, оживленный говор наверху в зале; жизнь ресторана в разгаре, она захватывает Глебова.

— Мое почтение! — кричит Бутлерову Афанасий Иванович, лысый молодой человек из планового отдела, один из завсегдатаев этих мест. — Долгонько же вы сегодня заставляете себя ждать. А где же ваши дамы?

— Не вышло, — угрюмо говорит Бутлеров.

— Зануды какие-то! — говорит Глебов. Поддельваясь под тон Бутлерова, он пересаливает и выражается грубее товарища.

Афанасий Иванович наклоняется к уху Бутлерова. По лицу Владимира нельзя ничего разгадать, Федя отворачивается в сторону и делает вид, что ему все это безразлично. На самом деле ему неприятно, что у Владимира есть от него секреты. «Разве я неравноправен в этой компании, разве я меньше трачу, хуже других танцую?»

Так думает Федя и смотрит в конец коридора. Там какой-то человек с бледным лицом, опираясь на стену, неуверенно пробирается к уборной. Федя не раз уже видел его. Впрочем, он знает многих посетителей ресторана. Он встречал их или тут или на заводе... «Уже напился», — думает Федя. Ему неприятен этот человек, но что особенного?

Владимир оглушительно хохочет, Афанасий Иванович берет Бутлерова под руку, Владимир кладет руку на плечо Феде. У входа в ресторан лестницы скрещиваются. Чтобы попасть в бильярдную, нужно сперва подняться в зал, но можно ведь перепрыгнуть через перила — так ближе. Раз, два, три — вот они уже в бильярдной.

Облака табачного дыма плавают под потолком. Столы с ободраным сукном и засаленными, захватанными бортами. На длинных скамьях вдоль стен сидят молодые люди. У них сонные, скучающие лица. Глаза их устремлены на шары. Они следят за играющими и перебарываются изредка вялыми замечаниями. Когда одна из пар заканчивает игру, поднимается вдруг неистовый спор — кому сейчас играть.

— Надо записываться! — кричит маркер.

— Я еще вчера записался, — острит какой-то высокий прыщавый детина и выхватывает кий у худенького парнишки в жилете.

Завязывается перебранка. Женщин тут никогда не бывает, поэтому никто не стесняется в выражениях. Лица всех присутствующих оживляются, каждый хочет вставить слово.

— Да бросьте вы... — говорит спокойно и внушительно Бутлеров. — Разорались! — И по тому, как тихо становится вокруг, видно, что Владимира Бутлерова тут хорошо знают, он пользуется авторитетом. — Крошкин! — продолжает Бутлеров прежним тоном, обращаясь к высокому. — Отдай человеку кий. Давайте-ка, ребята, лучше сыграем в алагер!

— На деньги не позволено, — говорит маркер.

— Да знаем, — отмахивается Владимир. — Чисто любительский алагер. Понятно? — Он выразительно подмигивает. — Кто будет играть?

Быстро набирается восемь человек желающих. Маркер выкладывает на стол два лучших шара. Начинается игра. Кий переходит от одного к другому. Теперь все оживлены и возбуждены азартом. Крики, хохот. Играющий, осторожно, старательно целясь, бьет шар: нужно положить в лузу «чужой», а «свой» подтянуть к борту...

Федя Глебов одним из первых выбывает из игры. Он еще молодой бильярдист. Где ему тягаться с Крошкиным, Бутлеровым или Афанасием Ивановичем? С невозмутимым лицом, будто ничего другого он и не ждал от этой игры, Федя отходит от стола. Незаметно, за спиной, он передает Крошкину три рубля.

— Ничего, сынок, — говорит покровительственно Крошкин, — научисься.

Он прижимает конец кия к потолку. Весь потолок в маленьких темных кружочках...

«В сущности, ведь хорошая игра»,— думает Федя. Ему приходилось слышать, что в Москве, в Ленинграде, в Свердловске проводятся бильярдные турниры... так же, как в шахматах, так же, как в теннисе. Бильярд ведь нисколько не хуже тенниса: развивает меткость, целеустремленность, волю к победе... Но в Челябинске случилось так, что все бильярдные — при ресторанах. Игра на деньги, нездоровый азарт...

Глебов присматривается к лицам. Он сам здесь в третий или в четвертый раз. И всегда он встречает одних и тех же людей. Вот Василий Курицын с главного конвейера. Федя знает его уже несколько лет. Раньше Василий лучше одевался и выглядел здоровее. Наверное, оставляет здесь половину своего заработка. А этот худенький парнишка? Ему нет еще и восемнадцати лет. Фамилия его Глебов не помнит, но он знает, что парнишка недавно окончил ФЗУ. Кажется, комсомолец... «Что ж,— думает Глебов,— ничего хорошего его тут не ждет. Он втянется в денежную игру, потом начнет пить. Если выиграет—угостит, если проиграет—его угостят...» Глебов вспоминает—ему рассказывали, что довольно много молодых ребят втянулось в азартную игру в этом ресторане, который расположен в центре города. От бильярда перешли к картам... Некоторые из них стали воровать... «Да ведь это же настоящие притоны!—приходит в голову Глебову.—По сути дела, следовало бы поставить обо всем этом вопрос перед комсомольским комитетом, перед партийным комитетом завода... Рассказать все, что он знает». Глебов взволнован: «Да, да, так должен был бы поступить комсомолец...»

Но в этот момент к нему подходит Бутлеров. Лицо Владимира сияет. Он высовывает из кармана пачку зеленых бумажек. Оказывается, он обыграл всех. Он победитель.

— Пошли, чего тут торчать,— говорит он весело.

«Да, молодец все-таки Бутлеров!»—не без зависти думает Федя.

Вместе с Афанасием Ивановичем они входят в зал ресторана.

Ресторан—это огромный зал, плотно уставленный столиками. И почти все столики заняты. Федя смотрит вокруг. Здоровается с кузнецом Коржановым, шлифовальщиком Тропиным, чертежницей Розенвассер. На его поклоны отвечают торопливо и равнодушно. У всех свои маленькие автономные компании. Все говорит очень громко и непринужденно. «Почему в ресторане так много говорят?»—думает Глебов. Он вспоминает, как Бутлеров в первые дни дружбы предложил: «Пойдем в ресторацию, поболтаем». Может быть, и в самом деле, как говорит Бутлеров, здесь самая подходящая обстановка для откровенной, задушевной беседы? Чаще всего случается, что собеседники быстро перестают понимать друг друга. Графинчик пива... графинчик водки...

«Ах, как шумят!»—думает Глебов с раздражением. Он ловит себя на мысли, что уже устал. Работа, потом техучеба, потом бильярд. Почти со злобой он смотрит на Афанасия Ивановича, склонившегося над карточкой. Розовый, беспечный молодой человек.

— Мне беф-строганов,—говорит Бутлеров,—и маленький графинчик. Ничего не имеете против?

— Я против того, что маленький,—Афанасий Иванович расплывается в широкой улыбке...—Три таких гаврика...

— Ты выбрал что-нибудь?—спрашивает Владимир.

— Знаете что,—говорит неожиданно Глебов,—давайте мне... шахматы!

Афанасий Иванович и Бутлеров оглушительно хохочут. Официант тоже улыбается.

— Нет, я серьезно,—говорит Федя без улыбки.—Я хочу сыграть в шахматы. Я пришел сюда отдохнуть...

— Я спрошу...—официант смущен.—У нас обычно...

— Ладно, товарищ,—прерывает его Бутлеров.—Он пошутил. Он у нас оригинал. Принесите ему шнель-клопс...

Федя, конечно, и сам понимает, что шахмат здесь быть не может. Он доволен, что ему удалось рассмешить товарищей. Но ему совсем не хочется пить водку. Отказаться? Так ведь нельзя в мужской компании... Все-таки почему здесь так ужасно шумят? Неужели нельзя разговаривать тише? Даже музыки не слышно. Хотя джаз старается и барабанщик так размахивает своей колотушкой, будто это тяжелая кувалда.

На небольшой площадке, что возле оркестра, танцуют. Среди танцующих вертятся пьяные мужские пары. Никто не протестует: к ним привыкли. Их только стараются ловко обойти. Но и трезвые танцуют неважно... Вот

В голове шум, и ноги не очень послушны...

Катя Краснова—зачем так изгибаться? Она ведь не на эстраде...

Бутлеров рассказывает длинный и скучный анекдот, в котором фигурируют еврей, армянин, девица легкого поведения и мальчик. Рассказав, Владимир откидывается на спинку стула и хохочет. Волей-неволей приходится улыбаться.

Потом ужин, опять анекдоты; Афанасий Иванович просит наклониться и рассказывает какие-то подозрительные «новости».

«Все это вранье, откуда у вас такие идиотские сведения?»—хочет сказать Глебов, но молчит и улыбается и даже сам старается припомнить что-нибудь такое, чем можно удивить собеседников.

Немного вышли. Шум в голове. Легкое возбуждение, и появляется смелость, вернее, развязность. Федя подходит к незнакомой девушке:

— Разрешите вас пригласить на танго?

С равновесием что-то неважно, он два или три раза наступил партнерше на ногу. Он говорит ей, что носик ее очарователен, а губки... Словом, все то, что само срывается с языка. Ему эта девушка совершенно безразлична, но мужчина ведь должен уметь ухаживать...

Когда он возвращается к столику, то видит: пришла Таня. И Маруся Нежина тоже здесь. Они улыбаются и оживленно беседуют с Афанасием Ивановичем. Но Таня избегает встречаться с ним взглядом.

— Танечка!—говорит Глебов, наклонившись к ней.

— Отстань!—отвечает она вполголоса.—Уже напился.

— Я не хотел,—говорит Федя.—Я только за компанию...

Бутлеров торжествующе ухмыляется. «Вот видишь,—выражает его взгляд.—Они все-таки пришли!».

— Пойдем отсюда, Федичка, пожалуйста,—говорит вдруг Таня.—Неужели тебе это не надоело? Каждый день одно и то же.

Глебов знает, что Таня любит его. Уже давно решено—они поженятся... Ему тоже хочется поскорее уйти отсюда. Но он помнит дружеские советы «опытного» Бутлерова: «Никогда не потакай девушке. Делай вид, что она тебе ненужна...»

— Еще немного,—он кладет руку на талию Тани.

Но она резко освобождается. Она встает и решительно шепчет:

— Выбрай, Федя! Или этот пошляк,—она бросает взгляд на Бутлерова,—или я.

* * *

Глебов ведет Танию под руку. Бутлеров, Афанасий Иванович, Маруся Нежина остались в ресторане. Все еще падает мокрый, осенний снег. Резкий ветер бьет в лицо. Федя оглядывается. Окна ресторана ярко освещены. Они будут освещены до двух часов ночи. Хорошо, что он сегодня ушел раньше. А напротив, в клубе, уже темно.

В голове шум, и ноги не очень послушны. Но Глебов понимает все, что говорит Таня. И он понимает, что во многом она права. Но горячо возражает.

— Клуб, клуб,—говорит он.—Пойми, Танечка, там ведь очень скучно. Ну хорошо, ты член драматического кружка, Маруся Нежина рисует, а что мне там делать? Нет, серьезно... В будни в нашем клубе нестерпимо скучно, пустые коридоры, комната отдыха всегда занята какими-то совещаниями. У меня нет никаких талантов... Я не играю на балалайке, и не пою, и не вышиваю. И, можешь себе представить, не собираюсь ни вышивать, ни петь... Вот придет настоящая зима, тогда будем ходить на каток... А Бутлеров, например, и на коньках не умеет и не хочет.

— Ты мало читаешь,—говорит Таня,—и потом не говори мне об этом Бутлерове. Если ты будешь подражать ему...

— Я волен выбирать себе друзей,—возражает Федя.

— Ты становишься тряпкой в его присутствии. Он делает с тобой, что хочет...

— Он такой же рабочий парень, как и я...

— Федя!—говорит Таня взволнованно. Она даже останавливается.—Ты просто слеп и глух. Что из того, что он рабочий? Да, сам он умудряется держаться в известных пределах. Но вспомни: Женька Коростылев из литейной раньше был стахановцем, а после того, как подружился с Бутлеровым, спился, стал работать хуже всех. Валька Рубцов—тоже один из друзей Бутлерова и Афанасия Ивановича—уволен за прогул. Потом этот, как его, Сережка Батов, с утра до ночи торчит в бильярдной, стал грубым, противным... Я ничего не имею против ресторана. Вероятно, и в ресторане можно было бы отдыхать, но пока задают тон такие Бутлеровы... благодарю покорно.

Они говорят еще довольно долго. Расстаются во втором часу ночи. На прощанье Федя обещает пригласиться к Бутлерову.

Который раз—пятый или шестой—они говорят на эту тему с Таней? Глебов поднимается к себе на пятый этаж. В темноте, чтобы не разбудить отца и сестренку, раздевается и падает на кровать. Долго он не может уснуть. Обрывки мыслей вертятся у него в голове. Когда он открывает глаза, потолок, освещенный отблеском уличного фонаря, медленно кружится.

Утром его долго будит отец. Федя поднимается позже всех. Не умывшись, кое-как позавтракав, он бежит на завод. Его знобит, у него болит голова. «Хорошо бы опохмелиться»,—думает он...

ХОЛОДНАЯ ПОЭЗИЯ

О молодых поэтах написано за последнее время немало критических статей. Авторы этих статей зачастую ограничивались субъективными и вкусовыми оценками. Одних поэтов без оснований охавали, других столь же бесосновательно превозносили. У некоторых критиков выработалась нездоровая система «выдвиженчества» отдельных молодых поэтов, причем, восхваляя, критик с какой-то удивительной слепотой не замечал серьезных недостатков своего избранника.

Оговоримся с самого начала: мы не хотим никого «ниспровергать», «низводить с пьедестала»; нам хотелось бы только внимательно разобраться в творчестве группы молодых поэтов, которую за последнее время усиленно «выдвигает» критика.

Речь идет о К. Симонове, М. Матусовском и еще кое о ком из молодых, в чьих стихах недостает того же, чего не хватает этим двум поэтам. А не хватает им большевистской страстности и политической целеустремленности. В их стихах нет основного — взволнованности, полного слияния поэта с темой. Стихи не трогают несмотря на остроту затрагиваемых вопросов, не заражают читателя и не вызывают в нем ответных чувств — сухие, холодные стихи.

Не случайно, что учителем этих товарищей был не Маяковский, а Луговской, известный своими туманными, подчас политически неверными стихами.

В стихах Луговского подлинная революционность часто подменяется громкой фразой, барабанным боем, пустым треском и шумом, которые поэт пытается выдать за глубокие чувства.

О холодности и рассудочности произведений Луговского можно судить по стихотворению «Смерть военкома». Поэт рассказывает о гибели военкома:

«Жизни в нем осталось мало-мало,
Мясо полутеплое точь в точь.»

Так можно говорить разве только о зарезанном животном!

Даже самая беглая характеристика идейного и поэтического багажа «учителя» молодых поэтов не может принести ничего утешительного. Манерность, ходульность, сухость, поверхностное разрешение темы, увлечение голой формой за счет углубления мысли — все это налицо, и все это в значительной мере повлияло на молодых поэтов, в первую очередь на К. Симонова.

В журналах часто появляются стихи и поэмы К. Симонова, а также «стихи» о нем (иначе нельзя назвать восторженные высказывания Паустовского в «Литературной газете» № 60 и Дукора в «Новом мире» № 10).

При поверхностном ознакомлении с творчеством Симонова бросается в глаза актуальность избираемых им тем. Тут героическое прошлое русского народа, гражданская война, подвиги наших современников.

Но справляется ли Симонов — безусловно, одаренный поэт — с этими темами так, как утверждают его воспеватели?

Остановимся вначале на «Мурманских дневниках», вызвавших бурный восторг у одного из критиков. Несмотря на драматичность содержания «дневники» поразительно рассудочны и созерцательны; читатель чувствует, что поэт не переживал того, о чем пишет, а бесстрастно и равнодушно фиксировал факты, собранные на ходу...

Все правильные мысли, высказанные Симоновым, общеизвестны; когда же Симонов пытается дать свою характеристику мужества советских людей, то получается нечто довольно примитивное и почти пародийное:

«Вот так же сидя, как и мы,
К огню придвинувши пимы,
Четыре наших парня ждут,
Когда им помощь подадут.»

Как это непохоже на папанинцев! Вся страна помнит бодрые, жизнерадостные телеграммы Кренкеля, дневники Папанина, а по утверждению Симонова, — это «парни», ждущие со страхом, «когда им помощь подадут».

Вот рассказ о героических летчиках, погибших на посту:

«Другим летели помогать —
Погибли сами. Чтоб не лгать —
Удар тяжел.»

Так равнодушно и бледно выражена поэтом Симоновым скорбь о героях!

Много «шуму» вызвала поэма «Ледовое побоище». В поэме рассказывается об одном из героических моментов нашей истории, о защите родины от нашествия немецких псоврыцарей, о событиях, разыгравшемся 700 лет тому назад. Автор связал события того времени с другим историческим фактом, с теми боями 1918 года, когда Красная Армия разгромила немцев под Псковом.

В поэме два героя: князь Александр Невский и кузнец Онцыфор.

Образ Александра Невского едва намечен, не развернут. Силуэтность образа не возмещается несколькими удачными описательными строфами.

Онцыфор задуман эпическим героем, символизирующим мощь народа и его любовь к родине. Но замысел этот реализован слабо. Образ вышел сухим и бледным. Автор, повидимому, сам это ощущает, подозрительно быстро «убивая» своего героя.

Главных героев поэмы автору не удалось. Быть может, поэма написана прекрасным, волнующим стихом? Увы! Это далеко не так. Читатель с большим волнением прочтает «Хронологические выписки» Маркса или другие исторические документы, где говорится о Ледовом побоище, чем такие строфы:

«Настанет день, когда свободу
Завоевавшему в бою,
Фашизм стряхнувшему народу
Мы руку подадим свою.»

Как будто бы задача поэмы — заечь в сердцах читателей гнев и ненависть к врагам. Но что может почувствовать читатель, если автор описывает кровавые сцены с таким бесстрастием и даже не без некоторой доли любования:

«Был Псков отбит. У стен повеюду
Валились мертвые тела,
И кровь со слухом, как в посуду,
По бревнам на землю текла.»

У Симонова довольно зоркий и верный глаз, но за его описаниями не видно живых чувств, только строфа из «Интернационала», введенная автором, придает концовке эмоциональность, подьем.

Совсем не удалось автору изображение событий 1918 года. Если наш народ с таким беззаветным героизмом отстаивал еще не освобожденную от эксплуататоров землю, то с каким героизмом должен был он защищать свою родину, уже освобожденную от эксплуататоров, свою советскую родину!

Автор поэмы не понял или не сумел показать, что патриотизм 1918 года несравненно глубже и величественнее чем патриотизм времен Александра Невского.

Из мелких стихов Симонова отметим «Рассказ о глотке воды».

Странный, политически двусмысленный, смахивающий на пародию рассказ! Забастовщик, у которого «разворочен весь живот, дополз и на рычаг (водопроводной колонки.— Б. Ш.) налег, от боли зарывчав,— вода не шла». Тогда

«Он крикнул: «Чортова жара!
Я умираю,
Но ура!
Водопроводчики бастуют.»

Не сочувствие поэта — товарища по классу, — а только безразличие к своему герою могло

подсказать Симонову такие бездушные, пародийные строки.

В «Рассказе о глотке воды» очень рельефно сказались «школа» Луговского. Как похожи натуралистические образы стихотворения Симонова на строки из «Смерти военкома»!

А ведь вся эта погоня за эффектами, эти «рычания», «развороченный живот», «мясо полутеплое», «кровь во рту» отнюдь не возбуждают у читателя симпатию к героям, а скорей — брезгливость и отвращение.

Часто Симонов пишет очень неряшливо:

«Пустой вагон на стыках бьет,
Уполномоченный один.»

Даже многоточие, поставленное вместо запятой, не спасло бы положения: вагон все-таки был бы избит уполномоченным.

Другой пример:

«Там пограничные столбы
Заменяют клены и дубы.»

Кто кого заменит?

Симонов поражает такими открытиями:

«...Зажмурясь... спит пилот...»

Как будто люди спят с открытыми глазами! Есть у Симонова и удачные вещи — стихи, посвященные Карлу Марксу, поэма «Победитель».

Мих. Матусовскому свойственны те же недостатки, что и Симонову.

В стихотворении «Братская могила» очень мало сказано о беззаветном героизме людей, погибших за дело революции.

Холодно и монотонно Матусовский перечисляет:

«Здесь литейщик худой без рубахи,
Здесь погибший в строю военком,
Здесь казак молодой без папахи,
Здесь алчевский шахтер босяком.»

Характеристики героев не отличаются большой глубиной:

«Здесь моряк в черноморской фуражке
О якорях на смелых руках,
В полосатой открытой тельняшке...»

Иногда Матусовский и Симонов пишут совместно на исторические темы, но их коллективные художественные произведения бледнее документов, которые они используют.

Анализируя творчество Луговского и его учеников, приходишь к выводу, что их произведения не стоят на уровне нашей героической действительности, а ведь искусство, как писал Горький, должно стать выше действительности, должно возвысить человека над ней, не отрывая его от нее. Этой способностью полностью обладал Маяковский, поэтому стихи его, написанные больше десяти лет тому назад, до сих пор сохраняют свою свежесть и силу.

Призывая молодых поэтов учиться у Маяковского, мы вовсе не хотим сказать, что они должны механически подражать Маяковскому, слепо повторяя его приемы. Но без глубокого и вдумчивого изучения творчества Маяковского невозможно стать настоящим советским поэтом. Маяковский умел мастерски сочетать форму с содержанием. Несоответствие идейной направленности вещи и словесного, внешнего ее оформления характерно для некоторых молодых поэтов, в частности для С. Острового. Островой в своих стихах нагружает вычурные образы без всякой необходимости, часто в ущерб цельности и действительности вещи. Получается перегрузка, неоправданная словесная игра, бесплодно утомляющая внимание. Столь «образные» стихи в лучшем случае развлекают, в худшем — раздражают читателя, оставляя его совершенно равнодушным к тому, о чем говорит поэт.

Борьба за качество поэтических произведений является одной из важнейших задач советской литературы. Поэзия должна стать достойной нашей социалистической эпохи.

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА

С каждым годом Всероссийская академия художеств предъявляет к молодым живописцам все более и более высокие требования. Об этом свидетельствуют картины выпускников этого года. Разумеется, далеко не все в этих произведениях живописи совершенно и самостоятельно, но несомненно, что стремление к серьезным и общественно-значимым темам, внимательное наблюдение действительности, тонкое чувство цвета и композиции в высокой степени свойственны лучшим ученикам Академии.

Ниже мы помещаем репродукции с картин и краткие высказывания молодых художников, получивших премии: тт. Гольдрея, Непринцева и ученика заслуженного деятеля искусств И. И. Бродского тов. Лактионова, — а также статью И. И. Бродского о своем талантливейшем ученике.

И. БРОДСКИЙ,

заслуженный деятель искусств

В 1930 году Александр Лактионов окончил ростовскую художественную школу. Как один из лучших учеников он был командирован в Москву, на рабфак искусств, при Вхутемасе. Там работы его одобрили, но в приеме отказали на том основании, что у него нет производственного стажа. Вернувшись в Ростов, он поступил на курсы ЦИТ, получил квалификацию каменщика и стал работать на одной из построек. Затем попал в керамическую мастерскую, потом — в чертежную, пока ему не удалось снова поехать в Москву, где он некоторое время беспризорничал. Месяц жил на Казанском вокзале, потом — под лестницей в новом доме художников на Масловке.

Однажды, когда он, сидя за бочками и строительным хламом, копировал с репродукции «Иннокентия» Веласкеса, его заметили молодые художники. Они одобрили его работы и помогли поехать в Ленинград учиться в Академии художеств.

Здесь я увидел его впервые. Вид у него был очень невзрачный, одет он был в грязную шинель до пят, и неизвестно было, есть ли под шинелью костюм, скорее всего, не было.

В Академии тогда было еще засилье «леваков», отрицавших реалистическое искусство, школа только начинала устанавливаться, этому мешали многие люди, имеющие очень мало отношения к искусству. Работы Лактионова подвергались большим нападкам и вызвали иронические замечания. Мне пришлось взять Лактионова под свою защиту и настоять на том, чтобы он был принят в Академию без экзаменов, с испытательным сроком. Меня поразили рисунки этого совсем юного художника, которые своим мастерством напоминали ранние работы Репина и Серова.

Проучившись около двух лет на первых курсах, Лактионов попал ко мне в мастерскую. Заниматься с ним было очень легко и приятно. С упорством и удивительной настойчивостью он добивался технического умения и бы-

стро достигал того, что другим давалось годами.

Каждый год, осенью, он привозил большое количество летних работ, замечательные рисунки и этюды, совершенно законченные по мастерству.

К дипломной работе Лактионов пришел во всеоружии академической школы, с хорошими знаниями и опытом. Композиция давалась ему труднее всего, но, работая над своей дипломной вещью, он показал, что силен и в этой области. Тему он решил очень ясно и выразительно. Картина блестяще сделана по рисунку и экспрессии в характеристике персонажей. Все они трактованы с большой внутренней теплотой и обаянием.

Невольно симпатизируешь этим людям, бойцам Красной Армии, умным, сильным и жизнерадостным. Хочется с ними подружиться, заговорить, пожать руку. Здесь нет казенного отношения к теме, это очень прочувствованная, любовно сделанная и хорошо продуманная вещь.

Лактионов очень требователен к себе, он сам видит свои недостатки и работает над их устранением. У Лактионова прекрасно развито чувство формы, цвета, у него есть все, чтобы стать первоклассным мастером. Это заставляет предъявлять к нему особенно большие требования. Я верю, что он сумеет широко развернуть свои способности и не остановится на уже достигнутом.

„ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВ. ЮДИН В ГОСТЯХ У КОМСОМОЛЬЦЕВ-ТАНКИСТОВ“

Картина А. ЛАКТИОНОВА

Персонажи моей картины — комсомольцы, бойцы Красной Армии, наша веселая здоровая молодежь.

Работать мне пришлось очень много. Делал слепки из пластилина. Тщательно работал над светом.

Этюды я написал в танковом училище. Там я убедился, что те, кого я хотел писать, вблизи гораздо интереснее, чем я себе представлял, сидя в мастерской. Мне захотелось картину обогатить, сделать торжественнее, светлее, радостнее, несмотря на то, что тема сама по себе очень бедна — «оформление стенной газеты».

Я стремился показать отношения между знатным человеком страны Героем Советского Союза комсомольцем-орденоносцем М. В. Юдиным и рядовыми красноармейцами, будущими командирами, в теплой, полурбочей обстановке, подчеркнуть их общую радость, торжественность наступающего праздника. Мне кажется, что в какой-то мере это мне удалось показать.

А. Лактионов

ЖИВОПИСИ

На фото (сидят слева направо): художник В. А. Серов, директор Всероссийской академии художеств заслуженный деятель искусств И. И. Бродский и проф. А. М. Любимов с окончившими Академию дипломниками (стоят слева направо): Зарубиным, Железновым, Гольдреем, Васильевым, Лактионовым, Яр-Кравченко, Непринцевым. На переднем плане сидит дипломник Плахотный.

«ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ»

Картина А. ГОЛЬДРЕЯ

Когда троцкистско-зиновьевские бандиты злодейски убили Сергея Мироновича Кирова, в дни всенародной скорби, я присутствовал на одном из митингов. Там слышал я выступление одной работницы, которая посылая проклятья фашистским убийцам, оборвавшим славную жизнь пламенного народного трибуна и твердокаменного большевика. Напряженное состояние собравшихся и страстная речь женщины глубоко врезались мне в память. Я решил написать на эту тему картину. Образ выступавшей женщины был для меня символом и синтезом всех трудящихся героических женщин...

Начиная работу, я столкнулся с необходимостью показать конкретную личность, дать имя своему пока абстрактному герою. Я остановился на образе пламенного трибуна — дочери испанского народа Долорес Ибаррури.

Я начал картину. В работе над образом Пасионарии возник ряд новых вопросов: среда, обстановка... Помимо Долорес я старался показать других участников борьбы — трудящихся испанского народа, бойцов интернациональных бригад.

Негр в картинах мастеров прошлого изображался в лучшем случае как лакей, чаще же просто черное лицо давалось как живописный эффект. Мне же хотелось представить негра равноправным гражданином, борющимся наравне с другими за освобождение испанского народа. Я ставлю негра плечом к плечу с бойцом испанской народной армии.

Здесь же девушка — представитель народной милиции, партизаны и народ, ставший на защиту тыла.

В центре картины Долорес. Мне хотелось дать ее с такой же простотой, как фронтовика, негра, девушку — бойца народной милиции.

Моя тема сложна потому, что типаж был далек от меня географически. Однако дух его, настроения и переживания, были здесь, около меня, потому что в каждом сознательном советском труженике я находил горячее сочувствие испанскому народу.

А. Гольдрей

«ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ»

Картина Ю. НЕПРИНЦЕВА

Замысел моей вещи возник у меня давно. Истоками, основными элементами картины явились два представления: образ Пушкина и синий прямоугольник окна в зимние сумерки.

Какова основная идея картины? Я хотел дать Пушкина опального, Пушкина, рвущегося на свободу, хотел показать его в характерной для него тогда обстановке, среди близких ему людей.

Мною задуман был образ Пушкина, поэта и бунтаря, волей «убийцы гнусного» прикованного к усадьбе сельца Михайловского. Я хотел дать того Пушкина, который впоследствии со смятенным сердцем машинально вырисовывал на полях своих рукописей пять висящих трупов и перекладину виселицы.

Второй персонаж — Арина Родионовна, няня, полная участия к своему любимому воспитаннику, готовая лаской слов своих рассеять мятежную тоску поэта... Ведь это ей, няне, ее заботе и теплу, бесконечно многим обязан Александр Сергеевич.

Что касается живописной стороны картины, то здесь я много поработал над светом. В картине два света: теплый, трепещущий свет свечи и борющийся с ним, проникающий в комнату холодный свет зимних сумерек. Это главная цветовая завязка моей композиции.

Все детали картины я много раз обдумывал, стараясь найти наиболее правдоподобную их характеристику.

Ю. Непринцев

Памятные ДАТЫ

КРАСНОЗНАМЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОДВОДНЫХ РАБОТ

Приготовление понтона к спуску под воду.
Рис. Н. Аввакумова.

84 года назад Севастополь героически оборонялся от союзной армии англичан, французов и турок. Флот союзников укрывался в тесной Балаклавской бухте. Узкий извилистый вход-ущелье, зажатый между высокими обрывистыми скалами, соединял ее с морем. В ноябре 1854 года войскам союзников прислали жалование. Большой груз золота (сотни бочонков с золотой монетой) прибыл на английском корабле «Принц». Море было беспокойным. «Принц» вместе с другими судами стоял вблизи берегов на якорях, ожидая возможности зайти в укрытую бухту: проскользнуть туда в непогоду было почти невозможно.

«Принц» не попал в бухту: страшный шторм, налетевший ночью, сорвал суда с якорей. Чудовищные волны швыряли, разбивали корабли о скалистые берега. Эскадра погибла.

Прошло несколько десятилетий. Возникла и пошла гулять по свету романтическая легенда о золотом кладе на дне Черного моря. В этой легенде «Принц» стал «Черным принцем», груз золота вырос в колоссальную, манящую величину. Десятки иностранных экспедиций производили безуспешные поиски места гибели корабля.

В 1923 году работами по розыску «Принца» заинтересовались коллегия ОГПУ и лично тов. Дзержинский. Вскоре ОГПУ решило создать специальную экспедицию подводных работ особого назначения — Эпрон. Было это ровно пятнадцать лет назад.

«Принц» был найден. Обнаружив остатки старинного парового судна, водолазы Эпрона все же не нашли золота. Много позднее выяснилось, что англичане секретно выгрузили с «Принца» драгоценный клад в Константинополе и тщательно это скрывали. Однако создание Эпрона отнюдь не было

ошибкой. Работы по розыску «Принца» открыли новую страницу в истории советского судоподъема.

Эпроновцы занялись подъемом судов, затопленных в Черном море в годы интервенции. Всплыл «Пеликан», подводная лодка, потопленная белыми у выхода из Одесской гавани. Через некоторое время в Севастопольской бухте подняли подводную лодку «Орлан». Силы Эпрона росли и крепились. Приведен был в док корабль-великан «Мария», полузатонувший линкор, взорванный немецкими шпионами в июне 1916 года. Несмотря на штормы и осеннюю непогоду были извлечены со дна Новороссийской бухты миноносцы «Капитан-лейтенант Баранов» и «Лейтенант Шестаков». Несколько лет ушло на поиски «Гаджибея», линкора «Свободная Россия» и других боевых судов Черноморского флота, потопленных революционными моряками по приказу В. И. Ленина в дни немецкой оккупации Украины, когда интервенты блокировали все черноморские порты и пытались захватить эскадру в свои руки.

С огромным подъемом встречали трудящиеся Одессы, Севастополя, Новороссийска «воскресшие» корабли. К пятилетию Эпрона, в ноябре 1928 года, ЦИК СССР награждал экспедицию орденом Красного трудового знамени. Эпрон стал краснознаменным.

В это время отряды Эпрона организовывались на Балтике. Еще осенью 1927 года инструктор и несколько водолазов вышли на тральщике к месту гибели большой, 1000-тонной английской подводной лодки «L-55», потопленной нашими эсминцами «Гавриил» и «Азарт». Лодка пришла в Кронштадт под красным флагом. Первый же выход в Балтику принес победу.

Сейчас на всех морях, реках и озерах страны существуют отряды Эпрона. В Ленинграде, на набережной Красного флота, помещается Главное управление Эпрона. В кабинете флагмана 2-го ранга начальника краснознаменной экспедиции тов. Ф. И. Крылова висят карты. Заливы морей, фарватеры рек испещрены разноцветными точками. Каждая точка имеет свою историю. Все это корабли, малые и большие, затонувшие в разное время, на разных глубинах, с разными грузами.

Многие из морских кладбищ уже основательно «очищены» эпроновцами. Сотни судов, гордо несущих советский флаг, имеют в своем послужном списке многозначительную пометку: «Поднят Эпроном. Восстановлен в 193... году».

В глубокую полярную ночь при тридцатиградусных морозах и девятибалльных штормах стойко и самоотверженно работали эпроновцы на спасении ледокола «Малыгин». Эпроновцы победили стихию. То, что делалось у входа в Айсфиорд в марте 1933 года, может быть определено коротко: «Мужество плюс выносливость».

Сложнейшую технику применил Эпрон на подъеме ледокола «Садко», который семнадцать лет пролежал на дне Кандалякшского залива. Под корпусом корабля водолазы промыли узкие туннели. Потом в них завели широкие стальные полосы «полотенец». После многих месяцев подготовки могучие понтоны подхватили корабль (он повис на «полотенцах») и вы-

несли на поверхность залива.

Жестокие осенние штормы не помешали Эпрону спасти ледокол «Сибиряков», потерпевший аварию у Карских ворот (на Новой Земле); вскоре он вступит в строй ледокольного флота.

За 10 месяцев 1938 года Эпрон поднял со дна морей, рек и озер и снял с мелей и рифов 71 судно общим тоннажем в 65 тысяч тонн. Большую работу провели эпроновцы по очистке водных путей, удалению перекатов (мелей) на Волге, Оке, Днепре. В дни празднования 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Эпрон преподнес стране замечательный подарок — пароход «Петр Великий», поднятый со дна Черного моря.

ЗАЧИНАТЕЛЬ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ

(355 лет со дня смерти первопечатника Ивана Федорова)

В помещении бывшей синодальной типографии в Москве хранится слепок с надгробной плиты, на которой можно прочесть надпись: «Иоанн Федорович, друкарь (печатник) москвитин, который своим тщанием друкование за недбалое (печатание забытое) обновил, преставился (скончался) в Львове року (года) 1583 декабря (декабря) 6». Надгробная надпись и редчайшие экземпляры печатных книг — вот то немногое, что дошло до нас от замечательного русского мастера-первопечатника Ивана Федорова.

Печальна была судьба этого человека, как и многих других изобретателей и новаторов в старой России. В 1563 году Иван Федоров и его товарищ Петр Мстиславец начали работу в первой русской типографии — московском «Печатном дворе». В 1564 году из этой типографии вышли в свет «Апостол» и «Часовник» — если не первые, то одни из самых ранних печатных книг в России. Иван Федоров был не простым ремесленником, а настоящим художником: напечатанные им книги пред-

Комсомольцы-эпроновцы зарекомендовали себя отличными знатоками водолазного дела, преданными, смелыми, самоотверженными людьми.

Комсомольцы Тихоокеанской экспедиции Эпрона гг. Милых, Аспидов, Сиднев много часов пробыли в холодной морской воде, заделывая отверстия у потерпевшего аварию парохода «Охотск».

Еще ни один водолаз мира не превзошел рекорда по глубине спуска, установленного комсомольцем-орденоносцем депутатом Верховного Совета Крымской АССР тов. В. М. Медведевым.

Комсомольцами-водолазами гордится весь Краснознаменный Эпрон.

М. Черненко

Слепок с надгробной плиты Ивана Федорова.

Заглавный лист московского «Апостола». 1564 год.

ставляют изумительные образцы полиграфического искусства. «Послеловия», которые Иван Федоров помещал в выпускаемых им книгах, показывают, что он был образованным человеком.

Книги в «Печатном дворе» выпу-

скались под особым наблюдением царя Ивана Грозного, стремившегося использовать печатное слово как средство упрочения царской власти и укрепления единства русского государства. Деятельность Ивана Федорова вызвала ненависть реакционного духовенства и боярства, боровшихся против усиления центральной власти на Руси. Церковники натравили на Ивана Федорова московских переписчиков, которые опасались, что книгопечатание отобьет у них заработок. В 1565 году «Печатный двор» был сожжен уличной толпой, Иван Федоров и Петр Мстиславец бежали за границу. Иван Федоров с горечью писал впоследствии, что на него озлобились «многие начальники, священноначальники и учителя», из-за чего он и был изгнан «от земли и отчества».

По приблизительным подсчетам, общий тираж печатных книг, выпущенных в России до конца XVI века, не превышал 20 тысяч экземпляров, причем все эти книги были церковные. Но самый факт появления книгопечатания имел огромное значение для развития культуры в России, и нам дорога память об Иване Федорове — одном из пионеров русской культуры и образованности.

С. Николаев

«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

На экране показаны люди, жившие 700 лет назад. Они настолько отличаются от нас внешностью, обычаями, взглядами, они живут в условиях, настолько непохожих на окружающую нас действительность, что, казалось бы, у нас к этим людям не может быть ничего, кроме любопытства. И однако, когда князь Александр Ярославич Невский во главе своих войск с боевым кличем «За Русь!» громит немецких рыцарей, когда ликующие толпы приветствуют победителей — Александра и его сподвижников, — ни один зритель не остается равнодушным: аплодисменты, прокатывающиеся по залу, смешиваются с грохотом битвы и радостными криками народа.

Псковичи, новгородцы, суздальцы XIII века — наши далекие предки — в кровавых битвах отстаивали родную русскую землю. Нас объединяет с ними одна черта — любовь к Родине. Во все времена, в дни тягчайших поражений и блестящих успехов, русскому народу была присуща эта черта, без которой ни один народ в мире не мог бы сохранить свою независимость.

Любовь к Родине побуждает на славные деяния и богатырские подвиги героев фильма «Александр Невский». Во имя земли русской князь Александр Ярославич забывает об обидах, нанесенных ему новгородцами, и ведет новгородские дружины на бой с тевтонскими рыцарями. Во имя Родины друзья-соперники Василий Буслай и Гаврило Олексич, столь непохожие друг на друга и в то же время столь близкие друг другу, бьются плечом к плечу в страшной ледовой сече. Защищая свою Родину, новгородские дружинники и труженики-земледельцы сокрушают белых латников ры-

царского войска мечами, дубинами, самодельными пиками и крюками.

Нелегко далась русскому народу победа над немецкими «псами-рыцарями». Авторы фильма, следуя исторической и художественной правде, ни в малейшей мере не преуменьшили силу тевтонского рыцарского ордена, который в середине XIII века грозил гибелью Пскову и Новгороду — последним русским областям, не подпавшим под татарское иго. Рыцари-завоеватели закованы в броню с головы до ног. Бес-

Заслуженный артист республики орденосец Н. К. Черкасов в роли Александра Невского. Кадр из фильма «Александр Невский».

спорно их мастерство в военном деле, безгранична их надменность, чудовищна их жестокость к побежденным. Тем с еще большей радостью и торжеством воспринимает зритель позорное бегство «доблестных рыцарей», самонадеянно принявших титулы «князей псковских и новгородских».

Замечательно цельный и глубоко волнующий образ народного вождя создал заслуженный артист республики орденосец Н. К. Черкасов, играющий Александра Невского. Александр крайне сдержан в движениях и во внешних проявлениях чувств, он ни на минуту не забывает о своем княжеском достоинстве, и все же он предстает перед зрителем то сельским жителем, тянущим невод вместе с рыбаками, то мудрым политиком, то властным повелителем, то грозным воином, то простым, жизнерадостным человеком. Но одна черта остается у Александра неизменной при всей его многогранности — беззаветная любовь к русскому народу и к русской земле. Когда Александр обращается к пленным рядовым немецким воинам, которых он отпускает на свободу: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!», — его устами говорит весь русский народ.

П. А. Павленко (автор сценария), заслуженный деятель искусств С. М. Эйзенштейн (автор сценария и режиссер) и Д. И. Васильев (режиссер) создали замечательное произведение, воспитывающее в советских зрителях лучшие, благороднейшие качества: мужество, доблесть и беззаветную любовь к Родине.

С. Карамоленко

КРОССВОРД

Составил Фрайфельд
(Москва).

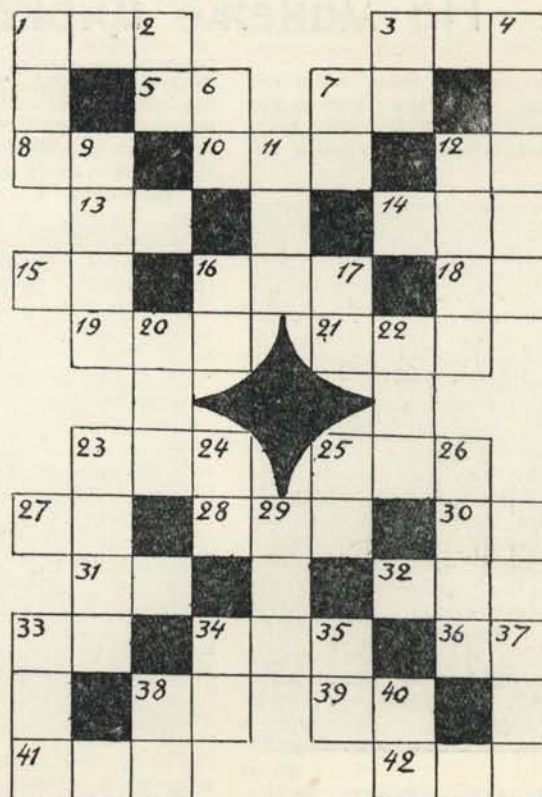
В каждой белой клетке должен
быть целый слог

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ГОРИЗОНТАЛИ

- Французский писатель.
- Птица.
- Военный головной убор.
- Белка.
- Французский писатель.
- Руководитель предприятия.
- Английский танец.
- Французский писатель.
- Музыкальный ансамбль.
- Французский поэт.
- Колония в Африке.
- Английский писатель.
- Полуостров в Азии.
- Военная хитрость.
- Ужимка.
- Советский композитор.
- Французский поэт.
- Русский композитор.
- Фламандский художник.
- Учение, враждебное церкви.
- Спортивная игра.
- Русский полярный исследователь.
- Корсиканский политический деятель.
- Дипломатический документ.
- Английский исследователь Арктики.
- Река в Сибири.
- Световой сигнал.
- Полуостров в Азии.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ВЕРТИКАЛИ

- Карфагенский полководец.
- Спортивное соревнование.
- Женское имя.
- Принадлежность для письма.
- Итальянский композитор.
- Физический термин.
- Русский писатель.
- Коммерческое объявление.
- Название картины знаменитого итальянского художника.
- Бобовое растение.
- Героиня оперы на сюжет Пушкина.
- Преобразование.
- Иранский поэт.
- Русский писатель.
- Обувь французских крестьян.
- Шведский путешественник.
- Персонаж комедии Бомарше.
- Герой трагедии Шекспира.
- Старинное холодное оружие.
- Спор.
- Город в Южной Америке.
- Повозка.
- Школьная мебель.
- Углубление.

В этом доме (Москва, быв. Гендриков переулок, 15/13) жил В. В. Маяковский. Переулок носит теперь имя поэта. Дом стал библиотекой-музеем.

На маленьком двухэтажном домике доска: «Здесь жил с 1926 по 1930 год поэт Владимир Маяковский». В этом доме теперь помещается библиотека-музей Маяковского. В библиотеке около 20 тысяч томов (будет 40 тысяч) главным образом художественной литературы. Особенно полно представлена русская поэзия XX века. Каждый вечер в читальном зале собираются студенты, литературные работники.

На втором этаже научно-библиографический отдел: консультация по всем вопросам творчества и библиографии Маяковского. Здесь же квартира, в которой жил Владимир Владимирович.

Перед тем как приступить к осмотру квартиры, экскурсанты слушают небольшую лекцию о жизненном и творческом путях Маяковского. В альбоме его фотографии, фото отдельных изданий, газет, документов, связанных с революционной деятельностью Маяковского, рисунки поэта, кинокадры из фильмов, в которых он снимался, и т. д. На стене большая карта, на которой кружками отмечены пункты, где бывал Владимир Владимирович. Девять

Библиотека-музей Маяковского

раз был он за границей, 56 точек отмечено по Советскому Союзу, во многих городах он бывал неоднократно. «Я земной шар чуть не весь обошел, и жизнь хороша и жить хорошо. А в нашей буче — боевой и кипучей — и того лучше».

«Слушай новое» — гласит заглавие одной из афиш о вечере Маяковского. Со стен домов за долго до выступления разговаривает Владимир Владимирович со своими будущими слушателями. Тезисы: «Слово читаемое и слышимое», «Альбом тети, или площадь Революции» и т. д. В выступлениях Маяковского раскрывается сущность новаторства поэта, стремившегося к созданию разговорно-интонационного стиха, к тому, чтобы стих служил не для камерного, альбомного потребления, а звучал и выражал интересы тех, кто делает революцию, кто укрепляет ее завоевания.

Испанская окопная газета 1937 года. На первой полосе стихи Маяковского «Ода революции», его портрет. Маяковский и после смерти продолжает бороться с врагами. «Рабочего громады класса враг, он враг и мой, отъявленный и давний...»

В квартире поэта поражает его скромность. Маяковский не окружал себя вещами. У него вообще не было ничего, кроме орудий производства художника и писателя: туши, красок, кистей, вечной ручки. Чемоданы, дорожная

подушка для поездок — вот и все «особенные» вещи Маяковского. Стопка газет 1930 года да телефон могут многое рассказать о том, как работал замечательнейший поэт, человек больших государственных мыслей.

Только одна фотография висит над столом Владимира Владимировича — портрет Ильича, произносящего речь уходящим на польский фронт. С этим портретом в 1927 году разговаривал Маяковский. Так и называется это стихотворение «Разговор с товарищем

Кабинет и рабочий стол В. В. Маяковского.

Фото Г. Капустянского.

На манеже цирка

За последние годы советский цирк воспитал прекрасные кадры молодых талантливых артистов. Показательна программа мо-

Мотогонки по наклонному треку. Этот смелый номер исполняется группой артистов под руководством П. Маяцкого.

сковского цирка, открывая нынешний зимний сезон. На манеже встретились представители старых цирковых фамилий: Россини, Брок, Монкевич, — воспитанники циркового техникума: Евстафьевы, Якутские, Бугровы, — артисты эстрады: Тарасовы, Смирнов, физкультурники Маяцкие, музыкант Зеленский, артист драмы Колядин, балерины Захарова и Козакова и бывшие «любители цирка», ставшие теперь профессионалами — акробатами, — группа Остащенко.

Атракцион этой программы — группа мотоциклистов. Руководитель группы Маяцкий — в прошлом инструктор гимнастики. Несколько лет назад в «Правде» появились статьи Героев Советского Союза Чкалова и Ляпидевского о необходимости развития мотоциклетного спорта. Маяцкий решил начать пропаганду этого спорта в цирке. В его группу вошли цирковые артисты Маяцкая, Добарский, Гончарова, Парможян и спортсмен-мотогощик Левандовский. Полтора года шла подготовка номера. На представлении Маяцкие выступали с «ренским» колесом, а ночью, когда расходилась публика, на арене устанавливался деревянный трек конструкции Маяцкого и начиналась рабо-

та всей группы над будущим номером.

Вначале для своего атракциона группа пользовалась иностранными машинами, но впоследствии переменила их на советские мотоциклы марки «Красный Октябрь». Мотоциклы были немного переделаны, в соответствии с требованиями цирка, и сейчас не оставляют желать ничего лучшего.

Атракцион был выпущен к двадцатой годовщине Ленинско-Сталинского комсомола. Выполняемый в прекрасном темпе, изоби-

люющий смелыми и интересными трюками, он пользуется заслуженным успехом у зрителей.

Акробаты на канате Тарасовы поставили перед собой задачу — превзойти самых лучших зарубежных канатоходцев. В свое время у нас гастролировали такие выдающиеся мастера этого жанра, как Рельмут, Боризони, Нейс. Но все их искусство заключалось только в виртуозном хождении по канату. Никто из зарубежных артистов не рискнул сделать на канате хотя бы легкий акробатический номер. Ар-

Артист Каран д'Аш — М. Н. Румянцев (справа) беседует перед выходом на манеж с ведущим представлением режиссером тов. Буше.

Артистки А. Захарова и В. Козакова готовятся к прыжку в аквариум.

гист Боризони авторитетно заявлял, что такой трюк, как хождение по канату со стойкой, головой на голове, так называемый «копфштейн», безусловно, невыполним. Группа Тарасова (артисты Тарасов, Тарасова, Гончаров и Усов) решила обогатить хождение по канату сложными акробатическими номерами. Обладая большой партерной подготовкой, они скоро добились блестящих успехов. Сейчас на громадной высоте, под самым куполом, они четко, без всякого видимого напряжения, выполняют такие сложные номера, как «копфштейн», стойка одной рукой на голове товарища, хождение по канату с мешком на голове и наконец «коромысло»: номер, в котором П. С. Тарасов идет по скользкому стальному тросу с коромыслом на плечах, на концах коромысла 2 партнера на трапециях, а третий партнер — на плечах Тарасова. Группа Тарасова не просто обогатила жанр, в котором выступает, а создала совершенно новый номер, еще не виданный в цирках Европы и Америки.

Прекрасное впечатление оставляет группа эквилибристов на проволоке Якутских. В номере участвуют А. Чесноков, М. Попова и Л. Кудоярова. Все они воспитанники циркового техникума. До приезда в Москву они жили на далеких окраинах Союза (Чесноков в области Коми, а Попова и Кудоярова в Якутии) и знали о цирке только по рассказам.

Якутские второй год работают в цирке. Их исполнение отличается непринужденностью, легкостью. Глядя на нарядные веера в их руках, забываешь, что эти веера служат для баланса, они кажутся только дополнением к костюму. Танец «Яблочко», исполняемый Якутскими на колеблющейся проволоке не менее быстро, чем его исполняют танцовщики на твердом полу, вызывает дружные аплодисменты всего цирка.

Тамара Брок в этом сезоне показала себя не только талантливым жонглером, но и способной дрессировщицей морских львов. В ее выступлении участвуют две молодых артистки — А. Захарова и В. Козакова: вместе с морским львом они ныряют в огромном аквариуме. Их изящество и пластичность делают этот несложный номер интересным и красивым зрелищем.

С большим темпераментом работает группа прыгунов под руководством Остащенко. Бодростью, задором и искренней веселостью дышит их выступление. Большинство прыгунов — бывшие цирковые заведующие, мечтавшие о работе в цирке на высотах галерки. Остащенко собрал таких «вдыхателей», организовал их в труппу и с 1931 года начал выступать с ними в цирке. Таких трупп в СССР — только две.

Всю программу сопровождает талантливый и изобретательный Каран д'Аш (М. Н. Румянцев), воспитанник циркового техникума, вот уже третий год не покидающий «ковра» Московского цирка.

Вся эта талантливая цирковая молодежь отказывается от застарелых штампов. Эти молодые артисты постоянно совершенствуются, создают новые жанры, стремятся вложить в свои номера новое содержание. В создании нового, советского циркового стиля им принадлежит решающее слово.

Б. Яковлев

Начало Полтавского боя. Кадр из второй серии фильма «Петр I».

И ГРЯНУЛ БОЙ...

В этой заметке будет рассказано не столько о содержании второй серии фильма «Петр I», который вы вскоре увидите, сколько о том, чего не будет на экране.

Съемки происходили на территории Одесской комсомольской киностудии. Одесса была выбрана для съемок не случайно: здесь много солнца, редки дожди, близко море. Студия Ленфильм направила в Одессу 28 вагонов груза: костюмы, обувь, оружие и орудия петровской и шведской армии, киноаппаратуру, пиротехнические вещества, грим, реквизит, буфафрону.

В Аркадии, под Одессой, где был инсценирован Полтавский бой, выстроилась «армия», насчитывавшая свыше пяти тысяч человек. Руководить «боем», воссоздававшим события, происходившие 229 лет тому назад, прибыли крупнейшие советские военные специалисты. Но «верховным главнокомандующим» на этом «поле битвы» являлся режиссер фильма заслуженный артист республики орденосец Владимир Петров.

Чтобы понять, какую изумительную иллюзию войны может создать современная пиротехника, надо было лично увидеть моменты съемок Полтавского боя: мгновен-

но застланное дымом и порохом небо, взрывы, канонаду. Сообщим, что для достижения всего этого было затрачено около 500 пудов пиротехнических материалов.

Мы наблюдали репетиции артиллерийской дуэли между русским и шведским флотами. Пиротехники закладывали под водой фугасы, которые взрывались с огромной силой, подымая столбы воды на десятиметровую высоту.

Необходимая для фильма флотилия XVIII столетия была специально выстроена. Каждое предназначенное для съемки судно — русское или шведское — самоходно.

В числе морских сцен фильма имеется любопытный эпизод. Иностраный корабль, прибывший в Россию, требует присылки лоцмана, который должен провести судно и поставить его в безопасное место.

Лоцман за пьянствовал.

Узнав об этом, царь Петр надевает кафтан и шапку лоцмана, отправляется на борт корабля и, представившись лоцманом, благополучно проводит корабль к стоянке.

В фильме зритель увидит царский поезд.

Специально для съемок второй серии фильма «Петр I» была построена флотилия судов XVIII столетия.

Это подлинные царские кареты, присланные в Одессу специально для съемок из ленинградского государственного Эрмитажа.

...В нескольких десятках шагов от возведенного для съемок немецкого города находится сооружение, изображающее Троицкую площадь в Петербурге.

На фоне этой декорации развертываются съемки заключительной сцены второй серии фильма «Петр I».

Толпы народа пришли на Троицкую площадь встретить моряков-победителей. Вместе с ними пришел на площадь вдохновитель победы царь Петр.

На арках надписи:

«Победителям четырех морей слава».

«Храбростью и мудростью народа русского засияла Россия в лучах славы».

Ликующие массы приветствуют Петра, сделавшего страну мощной и непобедимой.

Так заканчивается фильм о Петре I.

Фильм должен быть готов и сдан в декабре.

М. Поляновский

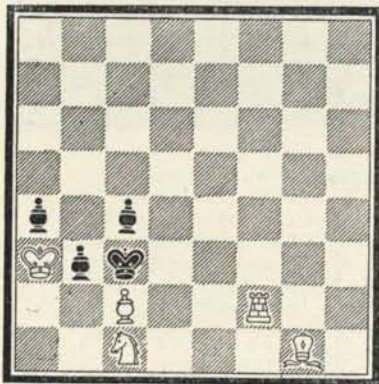
В перерыве между съемками Меньшиков, Екатерина и Петр I лакомятся арбузом. Слева направо: заслуженный артист РСФСР орденосец М. И. Жаров, народная артистка СССР орденосец А. К. Тарасова и артист-орденосец Н. К. Симонов.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. ГУГЕЛЬ

Задача № 92
Самюэль Лойд
(Из сборника задач)

Белые, начиная, дают мат в пять ходов.

Этой задачей, принадлежавшей классике шахматной композиции С. Лойду, заканчивается наш очередной конкурс решений. Срок отсылки ответов — 1 месяц со дня выхода журнала.

ЧЕМПИОН МИРА СДАЛСЯ

Нашим читателям уже известен, конечно, результат матч-турнира восьми сильнейших шахматистов мира. Этот турнир, происходивший в ноябре в Голландии, закончился победой гроссмейстера Кереса (Эстония) и Файна (США).

Молодой советский гроссмейстер М. Ботвинник занял в этом сильнейшем в истории соревновании третье место. Он опередил чемпиона мира Аляхина, эксчемпиона Капабланку и Эйве, гроссмейстеров Решевского и Флора.

Победа, одержанная в этом турнире Ботвинником над чемпионом мира Аляхиным, является одной из лучших партий турнира. Приводим эту партию с примечаниями чемпиона Москвы мастера С. Белавенца.

ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ

Играла в 7-м туре амстердамского матч-турнира

БОТВИННИК АЛЯХИН

1. Kg1—f3 d7—d5
2. d2—d4 Kg8—f6
3. c2—c4 e7—e6
4. Kb1—c3 c7—c5
5. c4 : d5 Kf6 : d5
6. e2—e3 ...

Чаще встречается здесь 6. e4 K : c3 7. b : c c : d 8. c : d Сb4 + 9. Cd2 Cd2 + 10. Ф : d2. Ботвинник отказывается от этого продолжения, так как оно связано со значительным упрощением игры. Сделанный белыми ход ведет к более напряженной борьбе.

6. ... Kb8—c6
7. Cf1—c4 c5 : d4
8. e3 : d4 ...

Вполне правильно. Изолированная пешка здесь не является слабостью позиции, а дает белым областные важные пункты e5.

8. ... Cf8—e7
9. 0—0 0—0
10. Lf1—e1 b7—b6

Незамечная, но весьма существенная ошибка, которой для Ботвинника оказывается достаточно, чтобы получить значительное преимущество. Черным следовало сначала разменяться на c3 и только затем играть b6, сохраняя приблизительно равные шансы.

11. Kc3 : d5! ...

Своевременный размен. Теперь предыдущий ход черных становится бессмысленным, так как диагональ слона на b7 будет закрыта пешкой d5.

11. ... e6 : d5
12. Cc4—b5 Cc8—d7

На 12. ... Сb7 белые, вероятно, также продолжали бы 13. Фа4. Возможно, впрочем, и другое продолжение: 13. Ке5 K : e5 14. de d4 15. Cd3 с последующим f4 и шансами на атаку черного короля.

13. Fd1—a4 Kc6—b8

Не видно, как иначе освободиться от связки. Если 13. ... Lc8, то просто 14. Cf4, усиливая давление. Незащищенность пешки a7 причиняла бы черным в этом варианте серьезные затруднения. Следует указать, что после 13. ... Lc8 белые не могут играть 14. C : c6 C : c6 15. Ф : a7 Сb4 и черные выигрывают ввиду угрозы Ла8. Плохо для черных угрозы 13. ... Lc8 и 13. ... Фc7 из-за 14. Л : e7.

14. Cc1—f4 ...

Разумеется, белым нет смысла меняться слонами, только развивая игру черных.

14. ... Cd7 : b5
15. Фа4 : b5 a7—a6
16. Фb5—a4 Ce7—d6

Черные стремятся разменами упростить игру, надеясь на спасение в эндшпилье. Тактика вполне правильная.

17. Cf4 : d6 Fd8 : d6
18. Ла1—c1 Ла8—a7

Прямолинейное развитие путем 18. ... Kd7 привело бы к печальным последствиям после 19. Лc6 Фb8 20. Ле7 с громадным превосходством у белых.

19. Фа4—c2 Ла7—e7

В случае 19. ... Kd7 20. Фc6 Ф : c6 21. Лc6 белым при четырех ладьях еще легче реализовать свое преимущество.

20. Le1 : e7 Fd6 : e7
21. Фc2—c7! Fe7 : c7
22. Лc1 : c7 ...

В итоге получился эндшпиль, в котором у белых определенно перевес. Их ладья занимает превосходную позицию на c7, совершенно лишая подвижности черного коня. Существенную роль играет также и трудность для черных защиты пешки d5 и пешек ферзевого фланга.

22. ... f7—f6
23. Kpg1—f1 Lf8—f7
24. Лc7—c8+ Lf7—f8
25. Лc8—c3 ...

Белые, разумеется, не хотят соглашаться на ничью. Хотя Аляхину и удалось выжить их ладью с седьмой горизонтали, но до ничьей еще далеко.

25. ... g7—g5

Черные не выдерживают трудной защиты и азартным пешечным наступлением стремятся запутать игру. Результатом этого является только появление новых слабостей в позиции и безнадежный эндшпиль. Следовало играть хладнокровно 25. ... Ld8 26. Лc7 Kd7 27. Ke1 Kpf7 28. Kd3 Кре6 черные еще сохранили некоторые шансы на ничью.

26. Kf3—e1 h7—h5
27. h2—h4! ...

Превосходный ход, сразу ликвидирующий всякую активность черных.

27. ... Kb8—d7

Плохо, конечно, 27. ... gh из-за 28. Kf3. Белые отыгрывают пешку и переводят затем коня на превосходную позицию f5.

28. Лc3—c7 Lf8—f7
29. Ke1—f3! ...

Вынуждая движение пешки g черных.

29. ... g5—g4

Любопытна неумолимая логика шахматной борьбы. Вынужденное движение пешки g ослабляет поле f4, куда устремляется белый конь. Черным удается прикрыть пункт f4, но тогда остается без пешечной защиты пункт e5. В конце концов черным не удается справиться со всеми трудностями.

30. Kf3—e1 f6—f5
31. Ke1—d3 f5—f4

Иначе Kf4 с ударом на h5 и d5.

32. f2—f3 ...

Фиксируя пешку f.

32. ... g4 : f3
33. g2 : f3 a6—a5

Угрожало Kb4.

34. a2—a4! ...

Белые не торопятся и лишают черных всякой подвижности и на ферзевом фланге.

34. ... Kpg8—f8
35. Лc7—c6 Kpf8—e7
36. Kpf1—f2 Lf7—f5
37. b2—b3 ...

У черных все защищено, но им нечего предпринять. Поэтому белые имеют время наиболее удобным образом расположить свои силы.

37. ... Kre7—d8
38. Kpf2—e2 Kd7—b8

Пассивная защита явно безнадежна. Белые приведут короля на c3 и выиграют прорывом b4. Сделанным ходом черные ставят остроумную ловушку.

39. Лc6—g6! ...

Ботвинник начеку. Естественное 39. Л : b6 было плохо ввиду 39. ... Kpc7 40. Лg6 Kc6, и черные фигуры получили некоторую активность. Как осмотрительно надо играть, имея даже подавляющую позицию!

39. ... Kpd8—c7.

40. Kd3—e5 ...

Не допуская Kc6.

40. ... Kb8—a6

41. Лg6—g7+ ...

Хорошо было и 41. Лg5, сразу выигрывающая пешку, так как черные не могут меняться.

41. ... Kpc7—c8

Если 41. ... Kpd6, то 42. Лg6 Kpc7 43. Лg5. Если же 41... Kpb8, то также 42. Kc6+ Kpc8 (Кра8 43. Ла7×) 43. Ке7+.

42. Ke5—c6 Lf5—f6

43. Kc6—e7+ Kpc8—b8

44. Ке7 : d5 ...

Начинается реализация плодов превосходной позиционной игры белых.

44. ... Lf6—d6

45. Лg7—g5 Ka6—b4

46. Kd5 : b4 a5 : b4

47. Лg5 : h5 ...

Проще чем 47. Kp d3 Лc6.

47. ... Ld6—c6

Или 47. ... Л : d4 48. Лb5, и черные быстро потеряют еще одну пешку.

48. Лh5—b5 Kpb8—c7

49. Лb5 : b4 Лc6—h6

50. Лb4—b5 Лh6 : h4

51. Кре2—d3 Черные сдались.

Всю партию Ботвинник играл отлично.

Примечания С. Белавенца.

РЕШЕНИЯ («СМЕНА» № 11)

Задача № 90 В. Протопопова и Л. Файвужинского.

1. Са5—b4. Угрожает 2. Лc1 : c5 ×. От этой угрозы спасает любой отход коня c5. Но при безразличных его отскоках (например на a4, a6) у белых возникает возможность матовать путем 2. Фh6—d6. Поэтому черный конь отступает, осуществляя продолженную защиту, на b7, e4 и e6.

Хорошая задача! Жаль, что первый ход в ней слишком легок.

Задача № 91, В. Шинкмана. 1. Фа1—h8!! Теперь на любой ход черных последует 2. Сh6—e3. Эта композиция почти не имеет равных себе по трудности среди задач-миниатюр. В. Шинкман был непревзойденным мастером такого рода задач.

«ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ЭНДШПИЛЬ».

Черные добиваются ничьей только путем 1. ... Kpd7—c7! Если теперь белые сыграют 2. Kpd3—c4, то после Крc7—c6! они уже не смогут расчистить королем дорогу пешке. То же самое получится и при 2. Kpd3—d4 Крc7—d6. Про-

игршен для черных ход 1. ... Kpd7—d6 из-за 2. Kpd3—d4 Kpd6—c6 3. Kpd4—c4 Крc6—d6 4. Крc4—b5, и белые без труда оккупируют королем линию «с» и постепенно подтянут свою пешку к заветному полю c8.

«СМЕНА» за 1938 год

РАССКАЗЫ

Н. Атаров — Сванская шапка. № 2
 Е. Босияцкий, С. Урианс — Сын. № 10
 Юр. Герман — Николка Баженов. № 9
 Его же — Сын народа. № 12
 Бор. Горбатов — Возвращение Сатанау. № 8
 В. Гроссман — Варыв. № 6
 Жорж Давид — Солист. № 3
 М. Дальцева — Начало. № 11
 С. Диковский — Сказка о партизано Савушке. № 2
 Его же — На острове Анна. № 7
 Его же — Настоящее дело. № 10
 Л. Зильвер — Трусиха. № 4
 Лина Зугсмит — Измена. № 8
 Вс. Иванов — Пархоменко. № 8
 Б. Ивантер — Четыре товарища. № 12
 Артур Кестлер — Интернационал. № 5
 Дж. Конрой — Король цемента. № 12
 Г. Кузнецов — Травмата. № 11
 М. Мазур — Испытание. № 7
 А. Макаренко — Симфония Шуберта. № 5
 Андре Мальро — Вой у Теруэля. № 1
 А. Марьямов — Семиглавый Мар. № 11
 П. Меньшиков — Чужая тропа. № 9
 Б. Оленин — Ковры. № 6
 Его же — Циркач. № 9
 М. Ромм — Три сердца. № 4
 Лев Рубинштейн — Шпионы. № 1
 Джозеф Скоробин — Коммивояжер. № 1
 М. Слонимский — Птица. № 7
 Фалько — Герон. № 7
 М. Чачко — Друзья. № 5
 Эль-Регистан — В джунглях Пянджа. № 3
 Его же — В полях широтах. № 4
 Фред Эркварт — В паутине. № 3
 М. Юфит — Невеста. № 10
 А. Яров — Рассказы парашютиста. № 8

СТИХИ

А. Адалис — Весна. № 5
 М. Алигер — Небо. № 8
 Ее же — Добудем третий! № 9
 Джомарт Боконбаев — Мы малыды. № 6
 Самед Вургун — Азербайджан. № 6
 Педро Гарфияс — Испанские посвящения. № 8
 Петрусь Глебка — Условный знак. № 5
 Ю. Грачевский — Кремлевские звезды. № 1
 Е. Долматовский — Дальневосточные стихи. № 6
 А. Купершток — Певец. № 5
 Б. Лебедев — Слово о родине. № 6
 А. Лемберг — Пашка. № 10
 Его же — Эскадра покидает порт. № 11
 А. Мальшко — Кавказ. № 9
 В. Маяковский — Из стихов 1928 года. № 4
 И. Мосашвили — Поколению Октября. № 6
 С. Островой — 21 января. № 1
 П. Панченко — Песня. № 7
 Его же — Песня будущих боев. № 10
 Его же — Чкалову. № 12
 Песни антифашистских колонн. № 5
 Г. Померанцев — Мы жали им руки сквозь шторм. № 4
 Его же — Предпраздничная ночь. № 11
 В. Пилога — Граница и сердце. № 9
 Его же — Двадцатый год. № 11
 Его же — Станция метро «Киевская». № 11
 Г. Рублев — Баллада о дружбе. № 12
 А. Ситковский — Затяжной прыжок. № 9
 Слово о полку Игореве (отрывок из поэмы в переводе И. Новикова). № 5
 С. Смирнов — На Верхней Волге. № 10
 Его же — Девушке. № 4

Его же — Воспоминание. № 9
 Сулейман Стальский — Песня о Красной Армии. № 2
 Павло Тычина — Вой с белополяками. № 7
 Я. Хелемский — Встреча. № 3

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

М. Алексеев — Сталинские соколы. № 7
 Проф. М. П. Баскин — Что такое коммунизм. № 1
 Майор А. Боголюбов — Вооруженный народ. № 2
 Заслуженный деятель искусств И. Бродский — Александр Лактионов. № 12
 А. Васильев — Борьба китайского народа. № 1
 В. Герасимова — Величие народа и мерзость его врагов. № 4
 М. Гольдберг — «Комсомолец». № 5
 В. Евгеньев-Максимов — Некрасов и царская цензура. № 1
 С. Захаров — Золотой фонд оборов. № 7
 Л. Зильвер — Лицо врага. № 7
 В. Калугин — Горький и Коцюбинский. № 6
 С. Карамоленко — «Александр Невский». № 12
 М. Красноставский — «Детство Горького». № 7
 А. Ландер — Два замечательных фильма. № 11
 Г. Ленобль — Борец за народное счастье. № 3
 А. Лукьянова — «Частное дело». № 12
 Отто Мейер — Антифашисты. № 7
 Н. Мещеряков — Карл Маркс. № 5
 Молодые мастера живописи Ю. Нейман — Грозное оружие. № 4
 Ее же — Вдохновенный мастер. № 9
 Ее же — На выставке Левитана. № 6
 И. Новиков — Бессмертная поэма. № 5
 П. Павленко — О Сулеймане Стальском. № 1
 М. Поляновский — И грянул бой. № 12
 А. Роскин — Горький и его ученики. № 3
 Б. Розанов — Китай дает отпор. № 8
 В. Сафонов — Доктор Майер. № 3
 Депутат Верховного Совета СССР К. Сахарова — Советский парламент. № 2
 Л. Семенов — Фильмы, мобилизующие зрителя. № 4
 Герой Советского Союза А. Серов — Могучие крылья. № 10
 Герой Советского Союза командир Я. В. Смушкевич — О героях и героизме. № 2
 Депутат Верховного Совета РСФСР С. Соболев — Молодежь и наука. № 11
 А. Сурков — Великий народный поэт. № 1
 З. Федорова — Матери-родине. № 9
 Л. Фейгельман — Библиотека-музей Маяковского. № 12
 Чему учил Киров молодежь. № 12
 В. Шкловский — «Ленин в Октябре». № 1
 Б. Шперович — Холодная поэзия. № 12
 Б. Яковлев — На манеже цирка. № 12

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

«Артиллерия» (под ред. майора В. П. Внукова). № 5
 Л. Берия «Лето Кецховели». № 4
 Перес Гальдос «Сагаоса». № 4
 Матэ Залка «Добердо». № 3
 М. Ильин «Сегодня и вчера». № 6
 В. Катаев «Я, сын трудового народа...». № 1

Э. Киш «Высадка в Австралию». № 1
 Ю. Крымов «Танкер «Дербент». № 9
 Поль де Крюи «Отонит ли им жить?» № 3
 Сергей Лазо «Воспоминания и документы». № 7
 А. Первенцев «Кочубей». № 2
 Н. Подорожный «Ледовое побоище». № 8
 Р. Райт «Дети дяди Тома». № 12
 Л. Рыбин «Черные дни германской армии». № 8
 Сборник «Женщина в гражданской войне». № 3
 Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год». № 9
 А. Толстой «Хлеб». № 2
 Карел Чапек «Война с саламандрами». № 12
 Энджелло Херидон «Я буду жить». № 8

ОЧЕРКИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

И. Аграновский — Академик Лысенко. № 8
 В. Алякринский — Играет «Металлург». № 11
 Н. Атаров — Василий Богданов. № 1
 А. Атлас — «Аврора». № 11
 В. Ардов — Романтическая новелла. № 10
 П. Аркадин — Пограничные эпизоды. № 2
 Б. Бегак — Воспитатель львов. № 8
 Его же — Ваятели. № 9
 Его же — Первая комсомольская. № 10
 Е. Босияцкий — И строил его комсомол. № 6
 Его же — Похвала наркома. № 8
 Его же — За компанью. № 12
 Л. Бронтман — Бессмертный подвиг. № 3
 В. Викторин — Лыжный гошик. № 1
 Его же — Скорород. № 2
 Его же — Над рейкой есть еще воздух. № 4
 Его же — Стиль Бойченко. № 3
 Его же — Бывший комиссар. № 4
 Его же — День на танкодроме. № 6
 Его же — Мотогонщик. № 8
 Н. Власова — Снайперы. № 9
 Е. Воробьев — Спокойная жизнь. № 6
 Э. Гилельс — Родина талантов. № 10
 А. Гиневский — Командир батальона. № 7
 Майкл Голд — Лицо Америки. № 5
 М. Гольдберг — В Москве, на площади Революции. № 1
 Его же — Пятеро. № 4
 Его же — Дочь народа. № 6
 М. Дальцева — Девушка из Каролис Тави. № 3
 Ее же — Завоеванная крепость. № 5
 С. Диковский — На вулкане Авача. № 9
 И. Друз — Ученики Ивана Гудова. № 8
 Капитан М. Ершин — Лагерь в тайге. № 11
 И. Зверев — Велотур. № 10
 И. Зернов — Воспитание бойца. № 7
 О. Зив — Под крышами Парижа. № 4
 Ее же — Молодая Франция. № 8
 Л. Кайт — Эрнст Тельман. № 3
 А. Канторович — Рота «Л». № 8
 Е. Кригер — Балтийские были. № 2
 С. Крушинский — Агитаторы. № 6
 Н. Лабковский — Ледоколы. № 4
 Его же — Математик Соболев. № 6
 Ада Лазо — Память. № 10
 Л. Ларионов — По залам Морского музея. № 7
 Т. Литвинов — Летчик-наблюдатель. № 7
 Л. Маяковская — Детство Маяковского. № 4

Г. Михайлов — Новые комсомольцы. № 2
 Депутат Верховного Совета СССР О. Мутина — Самый счастливый день. № 10
 А. Натанова — Вахта у телескопа. № 9
 С. Нариньяни — Пособники врага. № 3
 Л. Платов — Симфония. № 10
 А. Поневежский — Артиллеристы. № 5
 Его же — Секретарь комитета. № 6
 В. Прокофьева — Мы выходим на лед. № 12
 П. Прякин — Звезда на копре. № 11
 И. Разгон — Чрезвычайный комиссар. № 2
 И. Сергеев — Следуя по параллели Москвы. № 6
 Е. Симонов — Броневая лавина. № 7
 Е. Тарле — Партизаны двенадцатого года. № 4
 И. Тютчиков — Героическое прошлое. № 10
 А. Филингенов — Во славу родины. № 4
 А. Хейстер — Военком Пожарский. № 10
 А. Хромов — Имя зовет. № 12
 М. Черненко — Доктор географических наук. № 5
 К. Чумак — Артиллерист-зенитчик. № 7
 А. Югов — Павлов на «турнирах». № 2
 Б. Яглинг — О военной тайне. № 12

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

А. Бебель. № 8
 В. Г. Беллинский. № 6
 Ф. Вольтер. № 5
 В. Гарвей. № 4
 В. М. Гаршин. № 4
 День печати. № 5
 Миклуха-Маклай. № 4
 Зачинатель книгопечатания в России (Иван Федоров). № 12
 Расстрел 26 бакинских комиссаров. № 9
 Гомер XX века (Сулейман Стальский). № 11
 К. А. Тимирязев. № 6
 Л. Н. Толстой. № 9
 Ф. И. Тютчев. № 12
 Франсуа Рабле. № 4
 Н. Г. Чернышевский. № 7
 ЭПРОН. № 12

Рисунки

Г. Балашова, Г. Васильева, Б. Винокурова, В. Горьева, И. Гринштейна, Т. Еремшовой, Кастильо, В. Кононова, Л. Кононова, Н. Лиса, В. Морозова, Д. Пивоварова, В. Прагера, О. Расторгуева, Ф. Решетникова, Росузоро, К. Ротова, А. Соловейчика, Н. Трошина, В. Урина, Ю. Цищевского, А. Шульца, А. Штербакова.

Фото

Е. Амчиславской, И. Апаньина, В. Воронина, Гальперина, А. Гарианина, М. Гехтмана, В. Горшкова, Грин и Лейна, И. Гуцина, Д. Дебабова, И. Жогина, Б. Иванникова, А. Капустянского, Н. Колли, Е. Копыто, Л. Коробова, В. Кудоярова, О. Ландер, Р. Лемберг, К. Липко, П. Новицкого, Г. Петрусова, М. Поляновского, В. Руйковича, В. Славинского, П. Смирнова, М. Троянского, П. Трошкина, И. Тютикова, И. Фигурова, Я. Холлина, И. Шагина, В. Шаховского, Н. Штерцера.

Цена 1 рубль.

